

МИТРОПОЛИТ
ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ)

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ
СВЯТИТЕЛЯ
ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА

Иларион (Алфеев)

**Жизнь и учение святителя
Григория Богослова**

«ЦЕНТР УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ – ПОЗНАНИЕ»

2017

УДК 27-1:929
ББК 86.37-4

(Алфеев) И.

Жизнь и учение святителя Григория Богослова / И. (Алфеев) —
«ЦЕНТР УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ – ПОЗНАНИЕ», 2017

ISBN 978-5-88017-334-1

Книга посвящена великому богослову и поэту IV века святителю Григорию Богослову, его биографии и духовному наследию. Творения каппадокийского отца Церкви и поныне занимают центральное место в православном богословии. Книга знакомит читателя с основными аспектами тринитарного богословия святителя, его учением о молитве и боговидении, монашестве и браке, священстве и епископстве и многими другими темами. Написанная живым и доступным языком, она адресована широкому кругу читателей.

УДК 27-1:929
ББК 86.37-4

ISBN 978-5-88017-334-1

© (Алфеев) И., 2017
© ЦЕНТР УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ – ПОЗНАНИЕ, 2017

Содержание

Предисловие к первому изданию	6
Предисловие к пятому изданию	7
Глава I. Жизнь и творения	9
1. Ранний период	10
Детство и юность	10
Афины. Дружба с Василием	15
Выбор пути	20
2. Священство и епископство в Назианзе	25
Главные богословские течения IV века	25
Священство	27
Епископская хиротония	31
3. Константинопольский период	38
Константинополь. Максим-Циник	38
Богословская деятельность Григория в Константинополе.	44
Его интронизация	
II Вселенский Собор. Отстранение Григория	49
4. Последние годы	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Митрополит Иларион (Алфеев)

Жизнь и учение святителя

Григория Богослова

© Митрополит Иларион (Алфеев), текст, 2017

© Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2017

© Издательский дом «Познание», 2017

* * *

Предисловие к первому изданию

Я с большим вниманием и все возрастающим интересом прочел книгу иеромонаха Илариона (Алфеева) о святом Григории Богослове.

По своему подходу эта книга является редкостным вкладом не только в наше богословское познание одного из величайших святителей Православной Церкви, но и в раскрытие его личности как человека.

Слишком часто трактаты, посвященные великим богословам, оставляют в тени их духовное постепенное возрастание «от силы в силу», и у читателя создается ложное впечатление о том, будто они на широких, могучих крыльях возлетали на высоты богопознания. На самом же деле путь каждого из них был сложен: укорененный в вопрошаниях их времени, связанный с особенными свойствами их душевного и умственного строя, он в значительной мере зависел от богоданных встреч и поисков истины в сумерках современной им философской и богословской мысли. Не сразу находили они ответы на вопросы, рождаемые их собственными глубинными переживаниями и не только поставляемые им, как и всем их современникам, в недрах христианской общины, но и настойчиво вырастающие из блуждания мысли и прозрений их современников – и своих, и «внешних».

Книга отца Илариона с разительной ясностью раскрывает нам внутренний путь святого и постепенно проясняющееся видение им истины.

В наши дни, когда перед каждым верующим, как и перед всей Церковью, встают вопросы из глубин церковного сознания, а также поставленные миром в его агонии, метании и в его отчаянном поиске ответов, ему доступных и понятных, – мы, верующие, должны научиться вслушиваться в вопрошания наших единоверных, а также людей, стоящих вне церковного опыта и молящих нас отвечать им на вопросы, которые они имеют право ставить и на которые мы обязаны отвечать творчески и с любовью.

Я надеюсь, что многие оценят вклад, сделанный отцом Иларионом в наше понимание путей православного богословия через писания святого Григория Богослова.

Митрополит Сурожский Антоний

Предисловие к пятому изданию

Святитель Григорий Богослов – один из наиболее прославленных богословов Восточной христианской Церкви. Наряду с Василием Великим и Иоанном Златоустом он почитается в Православной Церкви как «вселенский великий учитель и святитель». В византийскую эпоху, то есть в течение десяти веков (с V по XIV век), Григорий воспринимался как «богослов номер один»: сам термин «богослов» отождествлялся в Византии прежде всего с его именем. По «индексу цитируемости» сочинения Григория уступали только Библии. Так же как на библейские книги, на сочинения «Богослова» писали многочисленные комментарии и схолии, его слова читались в церкви за богослужением, его сочинения переписывались от руки и имели самое широкое распространение. В формировании догматического учения Восточной Церкви Григорий Богослов сыграл решающую роль, и многие его сочинения вошли в золотой фонд христианской письменности.

Жизнь Григория совпала по времени с периодом возрождения христианской Церкви после трех веков гонений. После того как император Константин (306–337) издал Миланский эдикт, христиане получили легальный статус на территории Римской империи. Стремительный рост Церкви, начавшийся при Константине, продолжился при Констанции (337–361), который потворствовал арианской ереси. Краткое правление Юлиана Отступника (361–363) было отмечено попыткой возрождения язычества в качестве государственной религии, однако эта попытка не увенчалась успехом. Юлиан был последним языческим императором; его преемники Иовиан (363–364), Валент (364–378) и Феодосий (379–395), так же как и все последующие василевсы, были христианами. Феодосий был тем императором, который восстановил Православие после пятидесяти лет арианской смуты и утвердил Григория в качестве архиепископа Константинопольского.

Жизнь Григория делится на две части – до и после вступления на церковное служение. Его жизнь до крещения – сплошная цепь успехов и удач. Жизнь Григория после крещения и особенно после иерейской хиротонии, напротив, почти сплошь состоит из разочарований и бедствий. Церковная «карьера» Григория складывалась на редкость несчастливо: он был рукоположен на несуществующую кафедру, служил в чужой епархии и, взойдя на патриарший престол, был в скором времени смещен.

В облике Григория, каким он вырисовывается из его собственных сочинений, есть черты, могущие оттолкнуть читателя, привыкшего узнавать о святых только из житийной литературы. При знакомстве с автобиографическими сочинениями Григория может показаться, что он не был лишен гордости, обидчивости, злопамятности и других человеческих слабостей, плохо увязывающихся с христианским нравственным идеалом. Мы, однако, глубоко убеждены в том, что человеческие качества Григория несколько не умаляют его достоинства как святого и учителя Церкви. Каждый святой был человеком, и особенно драгоценным представляется нам свидетельство святого о себе самом, благодаря которому мы соприкасаемся не с иконописным образом, но с живым человеком.

Величие Григория раскрывается не столько из внешних обстоятельств его жизни, сколько из его внутреннего опыта, который запечатлен на страницах его произведений. Несмотря на бурную жизнь, полную испытаний, тревог и внешних потрясений, он умел сохранять живую внутреннюю связь с Богом, обладал глубоким мистическим опытом. Он, бесспорно, был одним из самых великих богословов, каких когда-либо знала христианская Церковь. О Григории как церковном деятеле, духовном писателе, богослове, философе и мистике пойдет речь в нашей книге.

Пятое издание книги было исправлено и дополнено по сравнению с первыми четырьмя изданиями. Глава 1-я была дополнена сведениями о Каппадокии и разделом, посвященным

литературному наследию Григория; в главе 2-й было добавлено несколько цитат из стихотворения святителя «О себе самом и о епископах»; глава 3-я пополнилась разделом, посвященным теме сошествия Христа во ад. В настоящее, пятое издание книги внесены незначительные поправки: в частности, устранены замеченные опечатки. В остальном книга, написанная в 1997 году, не претерпела существенных изменений.

Митрополит Волоколамский Иларион

Моему учителю митрополиту Каллисту

Глава I. Жизнь и творения

Жизнь Григория хорошо документирована – прежде всего благодаря тому, что он много писал о себе самом. Среди его автобиографических произведений основное место занимает книга под общим названием «О себе» (Περὶ ἑαυτοῦ). Она содержит девяносто девять стихотворных произведений, в том числе монументальную поэму «О своей жизни» (Περὶ τὸν ἑαυτοῦ βίον; De vita sua). Кроме того, автобиографическими являются некоторые слова Григория – как те, что посвящены отдельным событиям его собственной жизни (иерейской хиротонии, удалению в пустыню, удалению с епископского престола), так и те, что посвящены его ближайшим родственникам и друзьям (отцу, брату Кесарию, сестре Горгонии, Василию Великому). Обширная переписка Григория тоже проливает свет на некоторые детали его биографии.

Начиная жинееопиани вятителя, мы бращаемся к нему словами, написанными в его честь много веков назад:

От богословныя и высокия мудрости твоя исполни мой ум убогий и страстный, яко да воспою житие твое, отче: не могу бо слова принести тебе, аще не ты подаси ми крепость слова, и разум и мудрость, яко да от твоих твоя принесу тебе, и от богатства добродетелей твоих, оттуду обрящу вину, и увенчаю честную и святую твою главу, с верными взывая: радуйся, отче, богословия уме крайнейший!¹

---

¹ Миняя месячная, 25 января. Служба святого Григорию Богослову. Икос на утрени.

1. Ранний период

Детство и юность

Григорий родился и провел большую часть жизни в Каппадокии – гористом регионе Малой Азии, входившем в «Понтийский диоцез», который включал также Вифинию, Пафлагонию, Гонорию, Галатию, Понт и Армению. Ландшафт Каппадокии сформировался благодаря мощным вулканическим извержениям, которые подняли уровень земли на 300 метров и покрыли весь регион толстым слоем туфа, глины и пепла. Вулканическая лава, растекаясь по поверхности туфа, застыла и под действием ветров приобрела форму грибообразных и конусообразных конструкций, которые до сего дня придают каппадокийскому ландшафту фантастический вид. С древних времен в скалах и вулканической породе селились люди². Начиная с IV века в Каппадокии стали появляться пещерные монастыри со своими церквями, кельями, фресками, подземными переходами: некоторые из этих монастырей до сих пор посещают туристы и паломники.

Климат Каппадокии – континентальный, с очень жаркой погодой летом и морозами зимой³ (температура может упасть ниже минус 15 градусов). Снег выпадает в октябре – ноябре и покрывает весь регион до марта⁴. Современники Григория иной раз оказывались на два месяца отрезанными от мира и запертыми в собственных домах из-за обильных снегопадов⁵. В такие времена почтальоны не приносили писем, епископы не могли посещать свои отдаленные приходы и любые путешествия прекращались. После суровой и долгой зимы наступала короткая весна с ярким солнцем и благоприятными ветрами (Григорий посвятил одну из своих проповедей приходу весны)⁶, а затем длинное знойное лето с характерными для него переменами погоды, неожиданными ливнями, громами и молниями⁷. Природные катаклизмы, такие как потоп, засуха и град, а также эпидемии различных болезней нередко поражали Каппадокию.

Во времена Григория жители Каппадокии занимались преимущественно сельским хозяйством и торговлей⁸. Несмотря на несколько столетий интенсивной эллинизации, Каппадокия в IV веке сохраняла характерный для нее диалект⁹, вызывавший улыбку в других частях империи (Григория Богослова в Константинополе осмеивали как говорящего с «деревенским» акцентом)¹⁰. Главным городом Каппадокии, ее политическим и интеллектуальным центром была Кесария¹¹. Другим важным центром была Тиана, находившаяся на юге Каппадокии. Большинство прочих населенных пунктов, таких как Назианз, Арианз или Сасима, представляли собой небольшие города или селения, имена которых вряд ли дошли бы до нас, если бы не были связаны с деятельностью великих каппадокийских отцов – Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского.

Григорий Богослов родился недалеко от города Назианз на юго-западе Каппадокии, в фамильном имении своего отца, тоже Григория, епископа местной церкви.

---

² Aksit. Cappadocia, 4.

³ Fox. Life and Times, 1.

⁴ Strachey. Saints, 53.

⁵ См.: Василий Великий. Письмо 48 / Ed. Courtonne, 284–285.

⁶ Сл. 44.

⁷ Fox. Life and Times, 5.

⁸ Teja. Organizacion, 23f.

⁹ Meredith. Cappadocians, 2–3.

¹⁰ Сл. 33, 8, 5–7; SC 318, 174.

¹¹ Bernardi. Gregoire, 86. Кесария – современный г. Кайсери в Турции.

Григорий Назианзин-старший, богатый и влиятельный аристократ, в молодости принадлежал к малоизвестной секте ипсистериев, в которой элементы язычества были перемешаны с иудаизмом: последователи этого учения отвергали идолопоклонство и жертвоприношения, но поклонялись огню и светильникам, почитали субботу, но отвергали обрезание¹². Позже, главным образом под влиянием жены, он принял христианскую веру, обратился к отцам Никейского Собора 325 года с просьбой о крещении и был крещен архиепископом Каппадокийским Леонтием¹³. Вскоре он был избран пресвитером и затем епископом Назианза, преемником Леонтия. Он управлял епархией в течение весьма долгого времени, сочетая кротость пастыря со строгостью администратора¹⁴.

Жена Григория-старшего, Нонна, была не только сотрудницей, но и «предводительницей» мужа: подчиняясь ему в семейных делах, она была «наставницей» Григория в благочестии. Она соблюдала посты и проводила ночи в молитве, занималась благотворительной деятельностью, покровительствуя вдовам и сиротам¹⁵. Именно она, по-видимому, оказала решающее влияние на христианское воспитание своих детей – Григория-младшего, Кесария и Горгонии.

Григорий-младший отзывался о своих родителях с благоговением и почтением, видя в отце образ истинного архипастыря, а в матери – образ идеальной супруги, через которую дети приобщились к золотой цепи христианской традиции:

Она от родителей унаследовала богоугодную веру
И золотую эту цепь возложила на детей своих.
Мужской нрав нося в женском образе,
Она постольку лишь касается земли и заботится о мирском,
Поскольку можно перенести в жизнь небесную
Всю здешнюю жизнь и легкими стопами вознестись на воздух.
Родитель же прежде был дикой маслиной и служил идолам,
Но привился к корню маслины доброй
И настолько напился от благородного корня,
что закрыл собою
Дерево и многих напичкал медоносным плодом.
Он сед умом и сед волосами,
Кроток, сладкоречив, новый Моисей или Аарон некий,
Поставленный посредником между смертными и небесным Богом,
Чистыми священнодействиями и жертвами нашими,
Которые приносит чистый внутри себя ум,
Приводит от смертных в единение с бессмертным и великим
Богом.
От такого отца и такой матери произошёл я...¹⁶

По свидетельству самого Григория-младшего, он родился благодаря молитвам матери: пламенно желая иметь сына, она горячо умоляла об этом Бога, дав обет посвятить Ему своего первенца. Однажды во сне она увидела будущего ребенка и услышала его имя. Григорий всегда

¹² Сл. 18, 5; PG 35, 989–992 = 1.264.

¹³ Сл. 18, 12; PG 35, 1000 = 1.268.

¹⁴ Сл. 18, 27; PG 35, 1017 = 1.277.

¹⁵ Сл. 18, 8–10; PG 35, 993–996 = 1.265–266.

¹⁶ PG 37, 979–980 = 2.55. Cp. PG 37, 1033–1034 = 2.351.

помнил об этом событии, считал себя «новым Самуилом» и рассматривал свою жизнь как исполнение обета, данного матерью¹⁷.

Детство Григория было счастливым и благодатным: он рос, окруженный любовью родителей, домашних и слуг. На его христианское воспитание оказало влияние как чтение книг, так и общение с «добродетельными мужами»¹⁸. Но, возможно, решающим для него был его собственный опыт молитвы и мистического соприкосновения с божественной реальностью. Григорий, в частности, повествует о «ночных видениях», при помощи которых Бог вселял в него Божественную любовь к целомудренной жизни¹⁹. Одно из таких видений состояло в том, что во время глубокого сна юному Григорию явились две прекрасные девы – Чистота (ἀγνεία) и Целомудрие (σαοφροσύνη): они призвали мальчика избрать девственный образ жизни, чтобы приблизиться к «сиянию бессмертной Троицы»²⁰. Это видение оставило глубокий след в душе Григория и во многом предопределило его жизненный выбор.

Другое подобного же рода событие не только усилило аскетические устремления Григория, но и повлияло на весь строй его богословской мысли. Речь идет о его первом мистическом видении Божественного света, которое было одновременно первым опытным соприкосновением Григория с тайной Святой Троицы (следует отметить, что тема созерцания Троичного света станет центральной в богословии Григория):

С тех пор как впервые, отрешившись от житейского,
Соединил я душу со светлыми небесными помышлениями,
И высокий Ум, подняв меня, поставил вдали от плоти,
Унес отсюда и скрыл в чертогах небесной скинии,
Озарил мои взоры светом (φάος) нашей Троицы,
Светозарнее (φάαντερον) Которой ничего не мог я и представить,
Которая с высокого престола изливает на всех неизреченное
сияние (σέλας),
Которая есть начало всего, что отделено от высшей
(реальности) временем –
С тех пор умер я для мира, а мир – для меня²¹.

Мы не знаем, к какому периоду жизни Григория следует отнести описанное духовное переживание, однако у нас есть все основания предполагать, что глубокая мистическая жизнь началась у него еще в детстве. Он, в частности, пишет о себе: «Когда был я ребенком... я восходил ввысь, к сияющему престолу»²². О годах своей юности Григорий вспоминает: «Вместо земных стяжаний... у меня перед глазами было сияние Бога...»²³ На наш взгляд, было бы неправильно воспринимать эти и подобные многочисленные упоминания о Божественном свете лишь в переносном смысле: скорее речь идет именно о пережитых Григорием таинственных «восхищениях», сопровождавшихся мистическим видением света.

Будущий святитель получил блестящее по тем временам образование, начало которому было положено в Назианзе, где Григорий учился вместе с Кесарием²⁴. Затем он посещал школу

---

¹⁷ PG 37, 1001-1003 = 2.61-62. Ср. PG 37, 1034-1035 = 2.351-352.

¹⁸ PG 37, 1036 = 2.352.

¹⁹ PG 37, 1367 = 2.71.

²⁰ PG 37, 1369-1371 = 2.72.

²¹ PG 37, 984-985 = 2.56.

²² PG 37, 1006 = 2.63.

²³ PG 37, 992 = 2.59.

²⁴ Сл. 7, 6, 1-2; SC 405, 190 = 1.162.

в «митрополии наук» – Кесарии Каппадокийской, где впервые встретился с Василием²⁵. Риторику Григорий изучал в «процветавших тогда палестинских училищах», то есть в Кесарии Палестинской²⁶. Он также «вкусил нечто из словесности» в Александрии²⁷, которую называл «лабораторией всех наук»²⁸. Как в Александрии, так и ранее в Кесарии Палестинской Григорий мог познакомиться с литературным наследием Оригена, преподававшего в обоих городах; в Александрии Григорий мог встречаться со святым Афанасием, а также слушать лекции знаменитого экзегета Дидима.

За время своего обучения в каппадокийских школах Григорий должен был пройти тот курс, который приблизительно соответствует современным начальной и средней школе. Занятия в начальной («грамматической») школе включали в себя изучение алфавита и арифметики, чтение вслух, письменные упражнения, заучивание наизусть фрагментов из сочинений древних поэтов, прежде всего Гомера, толкование заучиваемых текстов. Курс средней школы (εὐκύκλιος παιδεία – «общее образование») включал в себя математику, геометрию, астрономию и теорию музыки, к которым могли добавляться другие предметы, в частности медицина. Риторика и софистика относились к сфере высшего образования²⁹. Можно, следовательно, предполагать, что в Кесарии Палестинской и Александрии Григорий начал свое университетское образование, которое затем продолжил в Афинах.

Любовь Григория к учености, в особенности к словесным наукам и философии, была не менее горячей, чем его преданность христианской вере. Эта любовь проявилась в нем с детства и не оставляла его до последних дней жизни. В годы юности Григорий приобщался главным образом к сокровищницам языческой учености, однако и христианской литературой был напитан еще прежде, чем достиг зрелости³⁰. Высоко ценя античную культуру, он тем не менее ставил на первое место «подлинные науки» (то есть христианское учение):

Еще не опушились мои щеки,
а уже пламенная любовь (εῖως) к наукам
Владела мною. И я стремился поставить
Науки ложные на службу подлинным...
Впрочем, никогда не приходило мне на ум
Предпочесть что-либо нашим урокам³¹.

Курс образования Григория должен был завершиться в Афинах, куда он отправился из Александрии на корабле. Однако на пути его ждало суровое испытание, которое стало переломным моментом в его судьбе. Когда корабль находился в открытом море недалеко от острова Кипр, разразился шторм, продолжавшийся много дней. Описывая происходившее, Григорий проявляет поэтическое мастерство, достойное Гомера³²:

Ветреный шквал налетел на корабль, и все слилось в одну ночь –
Земля, море, воздух, потемневшее небо.
Громовые раскаты сопровождались полыханиями молний,
Свистели канаты лопавшихся парусов.

²⁵ Сл. 43, 13; SC 384, 142-144 = 1.610.

²⁶ Сл. 7, 6, 7-8; SC 405, 192 = 1.162.

²⁷ PG 37, 1038 = 2.353. Ср. Gallay, Vie, 33-35.

²⁸ Сл. 7, 6, 10-11; SC 405, 192 = 1.162.

²⁹ См.: Mango. Byzantium, 125-128.

³⁰ PG 37, 1115 = 2.337.

³¹ PG 37, 1037-1038 = 2.352.

³² Литературная форма повествования близка к описанию бури в «Одиссее».

Мачта гнулась, штурвал потерял всякую силу,
Ручку руля с силой вырывало из рук.
Толща воды обрушивалась в трюмы.
Крики смешались с плачем
Матросов, штурманов, владельцев корабля и пассажиров,
Единым голосом взывавших ко Христу,
В том числе и тех, кто никогда раньше не знал Бога;
Ибо страх – самый впечатляющий урок.
Но самым ужасным из всех бедствий
Было отсутствие воды на корабле, который от сильного шторма
Получил пробоины: через них вылился в пучину
Весь имевшийся запас сладкой влаги.
Предстояло умереть, борясь с голодом, штормом и ветрами...³³

Запасы воды удалось пополнить благодаря проходившему мимо финикийскому судну, однако шторм не утихал в течение многих дней, и корабль, на котором находился Григорий, окончательно сбился с пути: «Мы не знали, куда плывем, ибо многократно меняли курс, и уже не чаяли никакого спасения от Бога»³⁴.

По обычаю того времени Григорий, хотя и являлся сыном епископа, не был крещен в детстве: Таинство откладывалось до окончания учебы и вступления в зрелый возраст. Оказавшись лицом к лицу с расвирепевшей стихией, он не столько боялся самой смерти, сколько опасался умереть некрещеным. Его скорбь была так велика, что другие пассажиры утешали его:

Когда же все боялись смерти обыкновенной,
Для меня еще ужаснее была смерть внутренняя.
Ибо очистительных вод, дающих обожение,
Лишали меня воды, убийственные для путешественников.
Об этом было мое рыдание, в этом заключалось мое несчастье,
Об этом я, простирая руки, воссылал вопли,
Заглушавшие даже страшный рев волн;
Разорвав одежду, я лежал простершись, убитый горем.
Но вот что невероятно, однако же это правда:
Все плившие на корабле, забыв о собственном бедствии,
Соединяли со мной молитвенные стоны,
Сделавшись благочестивыми в общих бедствиях;
Так сострадательны были они к моим мучениям!³⁵

В этой критической ситуации Григорий дает обет посвятить себя Богу в случае, если ему будет сохранена жизнь. К обету, данному его матерью, он присоединяет свой собственный, предлагая Богу заключить с ним договор: «Твоим я был прежде, Твой есмь и ныне, – говорит Григорий Богу. – ...Для Тебя буду жить, если избегну сугубой опасности! Ты потеряешь Своего служителя, если не спасешь меня! Ученик Твой попал в бурю: оттряси же сон, или приди по водам, и прекрати этот кошмар!»³⁶

---

³³ PG 37, 1038–1040 = 2.353.

³⁴ PG 37, 1041 = 2.353.

³⁵ PG 37, 1041 = 2.353–354.

³⁶ PG 37, 1043 = 2.354.

Бог принимает условия договора. Шторм неожиданно прекращается. Вместе с ним заканчивается юность Григория. Хотя пройдут годы, прежде чем он окончит академию, крестится и окончательно посвятит себя служению Богу, тем не менее решение об этом уже принято, и ничто не сможет отвлечь Григория от следования к намеченной цели.

Афины. Дружба с Василием

Афинская академия была, несомненно, самым известным и престижным учебным заведением своего времени. Основанная великим Платоном в IV веке до Р.Х., она не утратила своего значения к IV веку по Р.Х., когда в ней учился Григорий. К этому времени господствующей философской школой в академии становится неоплатонизм с ярко выраженной теургической направленностью: Григорий впоследствии упрекал Афины за то, что они «изобилуют худым богатством – идолами, которых там больше, чем во всей Элладе, так что трудно не увлечься за восхваляющими и защищающими их»³⁷. Однако и влияние христиан в академии становилось все более ощутимым. Христиане преподавали там бок о бок с нехристианами: так, наставниками Григория в софистике были язычник Химерий и христианин Прохересий³⁸. Среди учеников тоже были как христиане, так и язычники, причем не делалось различия по вероисповедному признаку: каждый мог исповедовать ту или иную религию по своему усмотрению. Академия оставалась светским учебным заведением, и двери в нее были открыты для всякого, кто оказывался способным к учебе и обладал достаточными средствами, чтобы платить за нее.

Академия давала разностороннее, хотя и не энциклопедическое образование. Основными предметами, изучавшимися в ней, были риторика и софистика: в Афинах Григорий приобрел то риторическое мастерство, которое впоследствии стяжало ему бессмертную славу. Основными литературными образцами, применявшимися при изучении риторики, оставались сочинения Гомера, Эврипида и Софокла, памятники аттической прозы и поэзии, преимущественно на мифологические сюжеты. Обширными знаниями в области античной мифологии, которыми Григорий отличался от других отцов Церкви IV века³⁹, он был в значительной степени обязан своим занятиям в Афинах. Своеобразие его собственного литературного стиля также во многом обусловлено его профессиональными навыками в риторике.

Философии в академии уделялось меньше внимания, чем риторике и софистике. Лишь Платон и Аристотель изучались в подлинниках, причем больше внимания обращалось на их стиль, чем на учение; с прочими философами знакомились по учебникам. Впрочем, те студенты, которые интересовались философией более серьезно, могли поступить к тому или иному из профессоров на постоянное обучение. Григорий, вероятно, не изучал философию на таком уровне: хотя в его сочинениях постоянно упоминаются, помимо Платона и Аристотеля, многие другие античные философы, в основном его ссылки на них носят общий характер и не демонстрируют знакомства с первоисточниками. Характерно также, что Григорий не был близко знаком с неоплатонической литературой, в частности с сочинениями Плотина: те идеи Григория, которые могут быть названы неоплатоническими, заимствованы им, как правило, из сочинений Оригена⁴⁰.

Одной из традиций академии, делавшей учебный процесс менее формальным и более увлекательным, являлись состязания софистов, проходившие как на уровне преподавателей, так и в среде учеников. Однако дух конкуренции, существовавший между софистами, порождал и свои проблемы, поскольку каждый из них создавал вокруг себя группу последователей:

---

³⁷ Сл. 43, 21, 21–22; SC 384, 168 = 1.617.

³⁸ *Сократ*. Церк. ист. 4, 26; PG 67, 529 А. Ср. *Созомен*. Церк. ист. 6, 17; PG 67, 1333 С.

³⁹ Ср. *Demoen*. Pagan and Biblical Exempla, 211–212.

⁴⁰ *Ruether*. Gregory, 25–27.

нередко соперничество между подобными группами превращалось в длительное противостояние, в ходе которого представители каждой группы старались перетянуть на свою сторону студентов, в особенности новоприбывших. Вся Эллада, согласно Григорию, была в его время разделена на сферы влияния софистов и риторов:

Софистомания в Афинах свойственна весьма многим из числа молодежи и из числа наиболее неразумных людей – не только тех, что не имеют благородного происхождения и имени, но и знатных и известных, которые образуют беспорядочную толпу юнцов, не контролирующих свои эмоции. То же самое можно видеть на скачках, где страстные поклонники лошадей и состязаний вскакивают, кричат, подбрасывают вверх землю, управляют лошадьми сидя на месте, бьют по воздуху, ударяя лошадей пальцами, словно бичами, запрягают и перезапрягают лошадей, не будучи никоим образом в силах повлиять на ситуацию, охотно меняются наездниками, лошадьми, конюшнями, распорядителями... Такой же страстью обуреваемы афинские юнцы по отношению к своим учителям и к их соперникам. Они прилагают усердие для того, чтобы их группа стала более многочисленной и чтобы их учителя за счет этого обогащались: все это весьма странно и жалко. Заранее захвачены города, пути, пристани, вершины гор, равнины, пустыни: не оставлена в стороне ни одна область Аттики и всей прочей Эллады вместе с большинством их жителей, ибо и эти последние разделены на партии⁴¹.

С первых дней своего пребывания в Афинах Григорий окунулся в бурную атмосферу академической жизни. Однако, как он сам повествует, его мало интересовали обычные студенческие развлечения: всему предпочитал он жизнь тихую и уединенную. Главным его желанием было завоевать пальму первенства в риторике и других науках⁴². «Приобрести познания, которые собрали Восток и Запад и гордость Эллады – Афины» – такова была цель Григория⁴³.

В Афинах Григорий приобрел не только обширные познания и риторическое мастерство. Главным приобретением этого периода стала для него дружба с Василием – светлый и счастливый опыт человеческого общения, который он ставил выше всех своих научных достижений. «...Ища познаний, обрел я счастье... испытал то же, что Саул, который в поисках ослов своего отца обрел царство (βασιλείαν)», – говорил Григорий по этому поводу⁴⁴. Григорий знал Василия и до того – их пути уже пересекались в Кесарии Каппадокийской – однако именно в Афинах их знакомство переросло в «дружбу», «единодушие» и «родство»⁴⁵, о которых даже на склоне лет Григорий не мог вспоминать без душевного волнения.

Василий прибыл в Афины вскоре после Григория. По неписаной традиции, каждый новоприбывший должен был получить порцию издевательств и насмешек со стороны других студентов: это было своего рода испытание на прочность, которое казалось весьма трудным для тех, кто не был предупрежден заранее о существовании подобного обычая. В один из первых дней новоприбывшего вели в баню, осыпая по дороге насмешками; когда же он подходил к дверям, ему преграждали путь и не позволяли войти; все мероприятие сопровождалось неистовыми криками и плясками. Наконец толпа студентов вместе с новичком вламывалась в двери. Если он все это выдерживал, по выходе из бани его встречали как равного⁴⁶. Обряд посвяще-

⁴¹ Сл. 43, 15, 11–30; SC 384, 150–152 = 1.612.

⁴² PG 37, 1044 = 2.354.

⁴³ PG 37, 1554 = 2.260.

⁴⁴ Сл. 43, 14, 9–12; SC 384, 148 = 1.611. Ср. 3 Цар 9, 3. В тексте Григория игра слов между именем Василий и словом «царство» (βασιλεία).

⁴⁵ Сл. 43, 14, 21–22; SC 384, 148 = 1.611.

⁴⁶ Сл. 43, 16, 9–28; SC 384, 152–154 = 1.613.

ния в студенты завершался торжественным облачением новичка в малиновую мантию, которую обычно носили студенты-софисты⁴⁷.

Григорий, вероятно, прошел через этот ритуал, когда поступил в академию: Василия ждала та же участь. Однако Григорий, узнав заранее о приезде Василия, не только сам встретил его как равного, но и убедил других студентов отнестись к нему с уважением, в результате чего Василий избежал обычной церемонии. «Таково начало нашей дружбы, отсюда первая искра нашего союза; так уязвились мы любовью друг к другу», – говорит Григорий⁴⁸.

Связь между Василием и Григорием упрочилась после того, как группа студентов-армян, придя однажды к Василию, вызвала его на софистическое состязание, в которое вмешался Григорий. Сначала он встал на сторону армян, однако потом, поняв, что их истинным намерением является посрамление Василия, неожиданно «развернул корму» и поддержал последнего. Победа Василия, который «не прекратил поражать их силлогизмами до тех пор, пока совершенно не обратил их в бегство», стала победой обоих. «Этот второй случай, – пишет Григорий, – возжег в нас уже не искру, но светлый и высокий факел дружбы»⁴⁹.

Григорий подчеркивает, что его взаимоотношения с Василием строились на чисто духовной основе: это была любовь не плотская, но целомудренная и духовная; это был союз двух людей, всецело преданных идеалам философской жизни и учености, влюбленных в Бога и стремящихся к нравственному совершенству. Страницы, которые Григорий посвятил своей дружбе с Василием, являются одним из самых ярких во всей патристической литературе описаний дружбы:

Когда по прошествии времени открыли мы друг другу свое желание (λόθος) и стремление посвятить жизнь философии, тогда уже стали мы друг для друга все – друзья, сотрапезники, родные; стремясь к одному и тому же, мы непрестанно возгревали друг в друге это желание, делая его все более пламенным и твердым. Ибо плотская любовь (έρωτες)⁵⁰, поскольку направлена на скоропреходящее, и сама скоро преходит, уподобляясь весенним цветам... А та любовь, что по Богу, и сама целомудренна, и объект ее – непреходящее, а потому она долговечна; и чем большая представляется красота имеющим такую любовь, тем крепче привязывает эта красота к себе и друг к другу влюбленных в одно и то же... Так относясь друг к другу и такими золотыми столпами подперев чертог добродетельный, как говорит Пиндар⁵¹, простирались мы вперед, имея сотрудниками Бога и свою любовь (λόθος). О, как перенесу без слез воспоминание об этом? Равные надежды руководили нами в деле самом завидном – в учебе; впрочем, зависть была далека от нас, ревность же делала еще более усердными. Оба мы боролись не за то, чтобы кому-либо из нас самому стать первым, но за то, чтобы уступить первенство другу, ибо каждый из нас славу друга считал своей собственной. Казалось, одна душа в обоих носит два тела; и хотя не следует верить утверждающим, что все разлито во всем⁵², однако нам нужно верить, что мы были один в другом и один возле другого. Одно занятие было у нас обоих – добродетель и жизнь для будущих надежд, отрешаясь от здешнего еще прежде исхода отсюда. Стремясь к этой цели, всю свою жизнь и деятельность направляли мы к ней, руководствуясь в

⁴⁷ Олимпиодор. Схолии к Григорию Назианзину; PG 36, 906 А.

⁴⁸ Сл. 43, 17, 1–3; SC 384, 156 = 1.613.

⁴⁹ Сл. 43, 17, 5–34; SC 384, 156–160 = 1.613–614.

⁵⁰ Букв. «влечения».

⁵¹ Олимпийская ода 6, 1–3.

⁵² Ссылка на пантеистическое мировоззрение.

этом заповедью и поощряя друг друга к добродетели; и если не дерзко для меня так выразиться, мы были друг для друга и правилом и отвесом, с помощью которых распознается, что прямо, а что – нет...⁵³

В этих строках можно увидеть ностальгическую идеализацию юношеской дружбы, особенно если учесть, что написаны они много лет спустя, когда Василия уже не было в живых. Тем не менее нет никаких оснований не верить искренности Григория. Несомненно, он идеализировал как своего друга, так и само понятие дружбы. Очевидно также, что он был больше привязан к Василию, чем Василий – к нему. Отношения между Василием и Григорием строились на основе взаимной преданности друг другу и равенства в правах; в то же время Григорий всегда воспринимал Василия как старшего и главного. Это был тот случай, когда дружба в каком-то смысле перерастала в ученичество: «Мое дело – следовать за ним, словно тень за телом», – говорил Григорий⁵⁴. Он искренне считал Василия «в жизни, слове и нравственности превосходящим всех», кого он когда-либо знал⁵⁵.

В Афинах, где дух язычества был очень силен, Василий и Григорий вели христианский образ жизни, одновременно преуспевая в риторическом искусстве. Благодаря этому о них заговорили не только в городе, но и за его пределами:

Две дороги были нам известны: одна – первая и наиболее досточестная, другая же – не равного достоинства; первая вела к нашим священным храмам, вторая – к местным учителям и наставникам во внешней учености. Другие же дороги предоставляли мы желающим – на праздники, театральные зрелища, стечения народа, пиры... Афины могут быть губительны для душ других людей... Мы же, напротив, живя там, утверждались в вере, убеждались в обманчивости и ложности идолов; мы презирали демонов там, где им удивляются... Благодаря этому стали мы известны не только в среде своих наставников и соучеников, но и во всей Элладе, особенно среди ее наиболее знатных мужей. Наша известность выходила даже за ее пределы, как стало явно из рассказа об этом многих. Ибо кто слышал об Афинах, тот слышал и говорил о наших наставниках, а кто слышал о наших наставниках, тот слышал и говорил о нас; и мы были и считались небезызвестной для всех парой⁵⁶.

Мы вправе опять сделать скидку на преувеличение, которого требуют законы жанра. Однако вряд ли следует сомневаться в том, что Василий и Григорий достигли внушительных успехов в риторике и что на них возлагали большие надежды как на будущих профессоров академии.

Григорий провел в Афинах около десяти лет. Он намеревался покинуть город вместе со своим другом сразу же по окончании курса, однако обоим было предложено остаться в академии в качестве преподавателей риторики. Василий уговорил Григория согласиться на почетное предложение; сам же уехал, вероятно, втайне от Григория. Поступок Василия не вписывался в представление Григория о дружбе, а потому был воспринят им как предательство, о котором даже много лет спустя он вспоминал с горечью⁵⁷. Григорий тяжело переживал разлуку с другом: «Это было словно рассеечение одного тела на две части и убийство нас обоих, или словно

---

⁵³ Сл. 43, 19, 1–20, 19; SC 384, 162–166 = 1.615–616.

⁵⁴ Письмо 16 / Ed. Gallay, p.18 = 2.422.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Сл. 43, 21, 1–22, 13; SC 384, 166–170 = 1.616–617.

⁵⁷ Сл. 43, 24, 20; SC 384, 178 = 1.619.

разлучение тельцов, вскормленных вместе и приученных к одному ярму, которые жалобно мычат, будучи не в силах перенести разлуку друг с другом»⁵⁸.

Григорию шел тридцатый год, когда он окончил академию⁵⁹. Его желанием было вернуться на родину и вести «философский» образ жизни, однако он уступил просьбам друзей и на некоторое время остался в Афинах в качестве ритора. По возвращении на родину он также отдал дань риторике. Этот достаточно короткий период своей жизни он рассматривал лишь как вынужденную задержку, которая тем не менее стала для него подготовкой к будущей деятельности на церковной ниве:

... У меня и теперь еще текут слезы,
Когда вспоминаю о тогдашнем смущении.
Все окружили меня с великой поспешностью –
Иностранцы, друзья, сверстники, учителя;
К заклинаниям и слезам присоединилось даже и некое насилие –
Ибо дружба внушила им отважиться и на это.
Меня всячески удерживали, говоря: «Что бы ни случилось,
Не отпустим тебя отсюда! Не должны
Наши Афины лишиться чести,
Ибо они, по общему мнению, отдают тебе первенство в
словесности».
Я уступил – ибо только дуб
Мог бы противостоять стольким слезам и уговорам –
Уступил, но не полностью...
Пробыв в Афинах недолгое время,
Я скрылся оттуда почти тайно и отправился в путь.
Прибыв, я продемонстрировал свое искусство словесности,
удовлетворив недугу тех,
Кто требовал от меня этого как долга.
Но не стремился я ни к рукоплесканиям,
ни к восхищенным отзывам,
Ни к упоению или поклонению,
Которым радуются софисты в толпе молодых людей.
Выше всего поставил я философию, которая заключается в том,
Чтобы повергнуть перед Богом и все прочее,
и ученые труды...
Однако же, как сказал я, покорился я воле друзей.
И это послужило как бы подготовкой к будущим подвигам
Или преддверием более значительных таинств⁶⁰.

Таким образом, как в Афинах, так и в Каппадокии друзья Григория настаивали на том, чтобы он продолжил карьеру ритора: и там, и там он уступил, правда, ненадолго. Григорию придется еще не раз жаловаться на «насилие» со стороны друзей: для него было характерно уступать просьбам, а потом раскаиваться в своей слабости. В характере Григория была некая нерешительность, которая роковым образом сказывалась на его судьбе: он всегда стремился к уединению, однако же уступал тем, кто призывал его к общественно полезной деятельности.

---

⁵⁸ Сл. 43, 24, 22–25; SC 384, 180 = 1.619.

⁵⁹ PG 37, 1046 = 2.355.

⁶⁰ PG 37, 1046–1048 = 2.355–356.

В результате на протяжении всего срока своего земного бытия он был разорван между необходимостью нести общественное служение, возложенное на него по воле других, и своим собственным стремлением к уединению, ученым трудам и созерцательной жизни.

Выбор пути

Вскоре после своего возвращения на родину Григорий принял крещение⁶¹. Намерением его было вести жизнь «философа», что в его представлении означало полумонашеский образ жизни, сочетающий в себе строгий христианский аскетизм с учеными занятиями. Однако по просьбе престарелого отца-епископа он взял на себя управление семейным имением в Арианзе, что сразу доставило ему немало хлопот⁶². Как старший сын, Григорий являлся наследником всего состояния своего отца. О размерах наследства можно судить по «Завещанию», составленному самим Григорием под конец жизни: в нем упоминаются рабы, земли, скот, одежда и деньги⁶³. Сочетать обязанности по управлению таким имением с созерцательной жизнью было нелегко.

Вспоминая об этом периоде своей жизни, Григорий так пишет о трудностях ведения большого хозяйства:

Непрестанные и тяжкие заботы,
Снедая душу и тело ночью и днем,
С неба низводят меня к земле – матери моей.
Прежде всего управлять рабами – это поистине пагубная
Сеть. Строгих господ они всегда ненавидят,
А благочестивых попирают бесстыдно. Ни к злым
Они не снисходительны, ни добрым не покорны.
Но против тех и других
Дышат безумным гневом. Кроме того,
Надо заботиться об имуществе, и кесарево бремя⁶⁴ на плечах
Всегда иметь, перенося сильные угрозы сборщика податей...
Надо присутствовать среди криков многолюдных собраний и возле
высоких тронов,
На которых решаются споры между людьми;
Переносить шумные возражения противников
Или законно претерпевать скорби в запутанных сетях.
Таково это бремя, таков труд...⁶⁵

По справедливому замечанию исследователя, Григорий говорит здесь «не столько как христианин, сколько как аристократ из позднеантичного общества»⁶⁶.

К тому времени, когда Григорий принял на себя управление домом в Арианзе, Василий вернулся в Каппадокию из путешествий по монастырям Египта, Палестины и Сирии⁶⁷ и основал свой собственный монастырь в Понте, в гористой местности на берегу реки Ирис. В 358 году он пригласил туда Григория, помня об их мечтах и взаимном обещании вести философ-

---

⁶¹ См.: Gallay. Vie, 67.

⁶² См.: Gallay. Vie, 66.

⁶³ Подробнее об имуществе, принадлежавшем Григорию, см.: Coulie. Richesses, 9–21.

⁶⁴ То есть налоги.

⁶⁵ PG 37, 980–981 = 2.55.

⁶⁶ Ruether. Gregory, 142.

⁶⁷ См.: Василий. Письмо 223 / Ed. Courtonne, 10–11.

скую жизнь по окончании учебы. Григорий ответил письмом, в котором извинялся за то, что изменил обещанию, хотя и «не добровольно, а потому, что один закон одержал победу над другим: закон, повелевающий служить родителям, – над законом дружбы и единокровия»⁶⁸. Позже Григорий все-таки приехал к Василию, впрочем, ненадолго.

В Понтийской пустыне друзья предавались аскетическим подвигам, о которых Григорий, вернувшись домой, вспоминал в двух письмах-шутках, посланных Василию⁶⁹. В «серьезном» письме на ту же тему Григорий с восторгом говорит о своем пребывании в монастыре:

Кто вернет мне эти псалмопения, бдения, молитвенные восхищения к Богу, эту как бы нематериальную и бесплотную жизнь? Кто вернет согласие и единокровие братий, которых ты ведешь на высоту и к обожению? Кто вернет соперничество и поощрение к добродетели, которое мы ограждали письменными уставами и правилами? Кто вернет трудолюбие в чтении Божиих словес и свет, обретаемый в них под руководством Духа? И чтобы сказать о чем-то совсем малом и незначительном – кто вернет ежедневный физический труд: заготовку дров, тесание камней, уход за зеленью и поливание огорода?.. Пожелать всего этого легко, а получить – не так легко. Но приди ко мне на помощь, соедини со мною свое дыхание, содействуй мне в добродетели, и если когда-либо собрали мы что-то полезное, охраняй это своими молитвами, чтобы не рассеяться нам понемногу, как рассеивается тень с заходом солнца. Ибо тобою дышу я больше, чем воздухом, и тем только и живу, что, находясь рядом или отсутствуя, в мыслях всегда неразлучен с тобою⁷⁰.

Мы видим, что, помимо аскетических подвигов, Василий и Григорий занимались в Понтийской пустыне литературной деятельностью. В частности, Григорий, по его собственному свидетельству, помогал Василию в составлении монашеских правил. Правила Василия Великого сыграли в истории восточного монашества не меньшую роль, чем правила святого Бенедикта в истории западного монашества: до сего дня правила Василия являются основой монастырских уставов Православной Церкви.

Василий и Григорий также ежедневно читали Священное Писание и систематически изучали труды Оригена; в Понтийской пустыне ими был составлен сборник фрагментов из сочинений Оригена под названием «Добротолюбие» (φιλοκαλία, букв. «любовь к красоте»). Наследие великого александрийца уже тогда было предметом горячих споров: все крупные богословы IV века разделялись на сторонников и противников Оригена. Василий и Григорий относились к первой категории, однако, по-видимому, сознавали, что не все в трудах Оригена бесспорно с догматической точки зрения, а может быть, и предвидели, что некоторые его мнения будут осуждены Церковью. Впрочем, причина составления «Добротолюбия» могла быть и более простой: ввиду того, что корпус сочинений Оригена чрезвычайно велик, Василий и Григорий сочли полезным создать небольшой флорилегий для широкой публики. Впоследствии Григорий посылал копии «Добротолюбия» в подарок своим друзьям⁷¹. «Добротолюбие», включающее в себя главным образом фрагменты из монументального творения Оригена «О началах», до сих пор служит единственным источником, содержащим греческий текст этого сочинения⁷².

Пожив у Василия некоторое время, Григорий вернулся домой, в Назианз. Это возвращение было связано не только с обязанностями Григория по управлению домом и его чувством

---

⁶⁸ Письмо 1 / Ed. Gallay, 3 = 2.411.

⁶⁹ Письма 4–5 / Ed. Gallay, 4–6 = 2.412–414.

⁷⁰ Письмо 6 / Ed. Gallay, 7–8 = 2.414–415.

⁷¹ Письмо 115 / Ed. Gallay, 88 = 2.502.

⁷² Полный текст сохранился только в латинском переложении Руфина.

долга перед родителями, но и с неким внутренним колебанием между стремлением к созерцательной жизни и сознанием необходимости приносить общественную пользу. Григорий всей душой стремился к уединению; вместе с тем он чувствовал себя призванным к некоей миссии, сущность которой была ему пока еще не совсем ясна. Он также хорошо понимал, что традиционный для его времени монашеский образ жизни, предполагающий удаление в пустыню и аскетическое трудничество, плохо сочетается со стремлением к книжной мудрости. Григорий искал для себя промежуточный, «средний» путь, идя по которому он мог бы сочетать монашеский аскетизм с учеными трудами и, не лишаясь уединения, приносить пользу людям:

Наконец, нужна была мужественная решимость.
На внутренний суд собираю друзей,
То есть свои помыслы – этих искренних советников.
Но страшный вихрь обьял ум мой,
Когда искал я лучшее из лучшего.
Давно было решено все плотское низринуть в бездну,
И теперь это нравилось мне больше всего.
Но когда рассматривал я Божественные пути,
Нелегко было найти путь лучший и гладкий...
Приходили мне на ум Илия Фесвитянин,
Великий Кармил, необычайная пища,
Удел Предтечи – пустыня,
Нищелюбивая жизнь сынов Ионадавовых.
Но и любовь к божественным книгам одолевала меня,
И свет Духа при созерцании Слова;
А такое занятие – не дело пустыни и безмолвия.
Много раз склонялся я то к одному, то к другому...⁷³

Примеривая к себе тот или иной образ жизни, Григорий менее всего думал о священстве, казавшемся ему несовместимым с безмолвной и созерцательной жизнью, к которой он стремился. Во времена Григория монашество и священнослужение вообще рассматривались как два противоположных образа жизни: монах должен молчать, священник – проповедовать; монах – жить вдали от людей, священник – среди людей; монах должен быть занят созерцанием и заботиться о своей душе, священник – вовлечен в активную деятельность на пользу ближних. Монахи IV века, как правило, избегали рукоположения в священный сан.

Григорий, воспитанный в доме епископа, относился к священнослужителям с благоговением, однако сам предпочитал держаться вдали от церковного престола:

Итак, я признавал, что надо любить людей деятельных,
Которые в удел от Бога получили честь
Руководить народом через Божественные таинства,
Но сильнее охватывало меня стремление к монашеской жизни...
Престол был для меня досточестен, но поскольку я стоял вдали,
Он казался мне тем же, чем является свет
Для слабых глаз. На все что угодно мог бы я надеяться,
Только не на то, что сам получу его среди многих поворотов
судьбы⁷⁴.

---

⁷³ PG 37, 1048–1050 = 2.356.

⁷⁴ PG 37, 1052 = 2.357.

Однако, пока Григорий колебался в поисках пути, который наиболее соответствовал бы его устремлениям, выбор был сделан за него. Престарелый отец решил рукоположить сына в священный сан, так как нуждался в помощнике. Григорий-старший знал о стремлении своего сына к безмолвию и научной деятельности; тем не менее он «насиленно» возвел его на один из пресвитерских престолов⁷⁵. Что заставило Григория-младшего подчиниться? Ответ, очевидно, кроется в личном авторитете Григория-старшего и в его абсолютной власти как епископа и отца – власти, противостоять которой сын был бессилён. Не следует забывать, что в византийскую эпоху зависимость детей от родителей, особенно в аристократических кругах, была исключительно сильной: как правило, именно воля отца играла решающую роль в выборе жизненного пути детей.

Григорий прежил вою иртонию кк «страшную бурю»⁷⁶. Сразу после рукоположения он покинул Назианз и отправился к Василию за духовным советом и утешением:

Так восскорбел я при этом насилии (τυραννίδι) –
Даже и теперь не могу назвать это по-другому,
И да простит меня Божий Дух за такое
Отношение – что забыл все:
Друзей, родителей, отечество, родственников.
Словно вол, укушенный слепнем,
Пришел я в Понт, надеясь там в божественном друге
Найти себе лекарство от горя.
Там подвижничал он в союзе с Богом,
Покрытый облаком, как один из древних мудрецов.
Это был Василий, который теперь с Ангелами.
Он облегчил скорбь моего ума⁷⁷.

Общение с Василием оказало благотворное воздействие на Григория. Василий помог ему собраться с мыслями и, вероятно, убедил его смириться с происшедшим. В Понтийской пустыне Григорий много думал о смысле священства: плодом этих размышлений явилось Слово 2-е⁷⁸, ставшее классическим трактатом на данную тему⁷⁹. В этом Слове Григорий, извиняясь перед своим отцом и его паствой за проявленное «сопротивление» и «малодушие»⁸⁰, а также за «праздность» и «непокорность»⁸¹, называет в числе причин своего бегства неожиданность хиротонии, свою неподготовленность к священнослужению и – главное – свою любовь к безмолвию:

Итак, что же случилось со мною и какова причина моего непослушания?
Я ведь был тогда, по мнению многих, совершенно сам не свой – не такой,
каким меня знали, но как бы абсолютно другой; и сверх дозволенного я
сопротивлялся и упорствовал... Особенно поражен я был неожиданностью,
как бывает со сраженными ударом грома; я не собрался с мыслями и потому
потерял скромность, к которой всегда себя приучал. Потом объяла меня

---

⁷⁵ PG 37, 1052–1053 = 2.257.

⁷⁶ PG 37, 1052 = 2.357.

⁷⁷ PG 37, 1053–1054 = 2.357–358.

⁷⁸ В рус. пер. Слово 3.

⁷⁹ Ниже, говоря о понимании священства Григорием, мы будем подробно рассматривать это Слово.

⁸⁰ Сл. 2, 1, 7; SC 247, 86 = 1.23.

⁸¹ Сл. 2, 115, 9; SC 247, 236 = 1.64.

какая-то любовь к благу безмолвия и отшельничества (έρως της ησυχίας και αναχωρήσεως), влюбленным в которое я сделался с самого начала, как, пожалуй, никто из занимающихся словесными науками, и которое среди самых больших и ужасных опасностей пообещал Богу. В каком-то смысле уже прикоснувшись к нему, словно находившийся в преддверии, и через опыт возгоревшись еще большим влечением (λόβον), я не вынес тирании и не дал ввергнуть себя в бури и насильно оторвать от такой жизни, словно от священного убежища. Ничто не казалось мне лучше того, чтобы, замкнув чувства, став вне плоти и мира, собравшись внутрь себя, ничего человеческого не касаясь без крайней необходимости, беседуя только с самим собой и с Богом, жить превыше видимого и носить в себе Божественные отпечатки, всегда чистые и не смешанные с дольными и обманчивыми образами, быть и непрестанно становиться чистым зеркалом Бога и всего Божественного, приобретать к свету свет – к менее ясному более ясный, здесь уже надеждами пожинать блага будущего века и жить вместе с Ангелами; будучи еще на земле, оставлять землю и быть возносимым ввысь при помощи Духа⁸².

В этих словах выражено *credo* Григория: ему всегда было трудно с людьми и легко с самим собой и с Богом; он всегда стремился к созерцанию и никогда к деятельности. Однако Григорию пришлось смириться с новым поворотом судьбы. Вернувшись в Назианз по настоянию отца, он приступил к своим пресвитерским обязанностям.

---

⁸² Сл. 2, 6, 1-5, 12; SC 247, 94-96 = 1.25.

2. Священство и епископство в Назианзе

Главные богословские течения IV века

Вся последующая деятельность Григория прошла в контексте борьбы с арианством и защиты учения Никейского Собора. Прежде чем продолжить наш рассказ о церковной и богословской карьере Григория, сделаем небольшое отступление, чтобы указать на основные богословские течения IV века. Этот экскурс поможет неискушенному читателю легче ориентироваться в дальнейшем повествовании.

Никейский Собор 325 года, вошедший в историю под именем I Вселенского, осудил арианскую ересь и признал Сына Божия «единосущным» Богу Отцу. Однако в течение нескольких десятилетий после окончания Собора, вплоть до созыва Константинопольского Собора 381 года (II Вселенского), споры между православными и арианами, «никейцами» и «антиникейцами», «омоусианами» и «омиусианами» продолжали волновать весь христианский Восток.

Арианство (по имени александрийского священника Ария) исходило из понятия о едином абсолютно трансцендентном Боге Отце, Который не может быть имманентным кому бы то ни было. Поэтому Сын Божий не равен и не подобен Отцу: у Него иная природа и сущность. Он также не совечен Отцу, ибо получил начало во времени: «было (время), когда Его не было». Сын является одним из творений Божиих. Он был создан Отцом «из небытия» в качестве посредника, для того чтобы Его руками сотворить мир. Он имеет преимущество над прочими тварями, однако не является Богом, будучи изменяемым по природе: только Отец неизменяем, и только Отец есть единый истинный Бог. Троица в арианском представлении есть некий союз трех не равных и не подобных друг другу существ. Троица не есть единый Бог: единый Бог – это Отец; а Сын и Дух – подчиненные Ему твари. Этому учению Никейский Собор противопоставил Символ веры, в котором основные постулаты арианства были осуждены:

Веруем во Единого Бога Отца Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, Которым все приведено в бытие. Нас ради, людей, и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившегося, и вочеловечившегося, и страдавшего, и воскресшего на третий день, и восшедшего на небеса, и сидящего одесную Отца, и снова грядущего судить живых и мертвых. И во Святого Духа. Говорящих же: «было (время), когда не было (Сына)», и что Он создан из небытия, или говорящих, что Он из иной ипостаси или сущности, или что Сын Божий обращаем или изменяем, анафематствует Кафолическая и Апостольская Церковь.

Сердцевина Никейской веры заключается в терминах *ομοούσιος* (единосущный) и *εκ της οουσίας* (из сущности): они указывают на сущностное, онтологическое тождество между Отцом и Сыном. Поэтому защитников Никей стали впоследствии называть *омоусианами*. Главным представителем этой партии в посленикийский период стал Афанасий Александрийский, по учению которого вся Троица есть единый Бог – Отец, Сын и Дух Святой, равные по Божеству и по сущности. Рождение Сына от Отца является «предвечным», так же как и исхождение Духа от Отца. Отец никогда не начинал быть Отцом, но всегда им был, поэтому Сын совечен Отцу. «Единосущие» Лиц Святой Троицы не просто равенство или подобие: это всецелое единство

бытия, нерасторжимое и неизменное тождество, неслиянная неотъемлемость одного Лица от Другого⁸³.

Аномейство, связанное с именами Аэция и Евномия, получило свое название от выражения $\alpha\nu\omicron\mu\iota\omicron\varsigma\ \tau\eta\ \omicron\upsilon\omicron\iota\alpha$ (не подобен по сущности). Эта формула сделалась знаменем, под которым обновленное арианство выступило в 50-х годах IV века. Аномеи говорили о «нерожденности» ($\acute{\alpha}\gamma\epsilon\nu\eta\sigma\iota\alpha$) Отца как Его основном сущностном признаке и об «инаковости» Сына, Который не является нерожденным и, следовательно, не имеет никакого участия в Божестве. Сын не произошел из сущности Отца, но создан Отцом: Он есть «порождение и творение» ($\gamma\epsilon\nu\eta\mu\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \pi\omicron\iota\eta\mu\alpha$) Отца, Которое не существовало прежде своего возникновения, но было создано из небытия. Сын не только не подобен Отцу, но и противоположен Ему по сущности, чужд природе Отца и не имеет с Ним никакого природного сходства. Дух есть третий по иерархии и достоинству, а следовательно третий по сущности⁸⁴.

Омиусианство противопоставило себя крайнему арианству, однако не встало полностью на никейские позиции: вместо никейского $\omicron\mu\omicron\upsilon\omicron\sigma\iota\omicron\varsigma$ (единосущный) они употребляли термины $\acute{\omicron}\mu\omicron\iota\omicron\upsilon\omicron\sigma\iota\omicron\varsigma$ (подобосущный) и $\acute{\omicron}\mu\omicron\iota\omicron\varsigma\ \kappa\alpha\tau'\ \omicron\upsilon\omicron\iota\alpha\nu$ (подобный по сущности). Термин $\acute{\omicron}\mu\omicron\iota\omicron\upsilon\omicron\sigma\iota\omicron\varsigma$ отличался от никейского только одной «йотой», однако вносил существенное смысловое различие: Сын не есть едино с Отцом и не тождествен Отцу, но лишь подобен Отцу. Вождем омиусианской партии стал Василий, епископ Анкирский, который в 358 году созвал Собор в Анкире, нанесший удар по антินิกейской (аномейской) партии. Однако, анафематствовав термин «единосущный», Анкирский Собор остался по сути на полпути между арианством и Никейским Собором: впоследствии критики назовут анкирских отцов «полуарианами».

Омиеми перестали называть пикопов, подписавши в присутствии императора Констанция в 359 году догматическую формулировку (так называемую 4-ю Сирмийскую формулу), согласно которой Сын «подобен Отцу во всем». Выражение $\acute{\omicron}\mu\omicron\iota\omicron\varsigma\ \kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\ \lambda\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$ (подобен во всем) пришло на смену выражению $\acute{\omicron}\mu\omicron\iota\omicron\varsigma\ \kappa\alpha\tau'\ \omicron\upsilon\omicron\iota\alpha\nu$ (подобен по сущности) и было еще одной уступкой арианству: его резко критиковал Афанасий. В 360 году была составлена формула (никейская), в которой слово $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\ \lambda\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$ было выпущено и Сын был признан просто $\acute{\omicron}\mu\omicron\iota\omicron\varsigma$ (подобен) Отцу: эту формулу подписали омиусиане, что означало победу омиев над ними.

В 60-х годах началось постепенное сближение между омиусианами и никейцами. На Антиохийском Соборе 363 года двадцать три епископа подписались под Никейским символом, однако сделали к нему пояснение о том, что слово «единосущный» следует понимать в том смысле, что Сын «подобен по сущности Отцу». В эти же годы начала складываться так называемая *новоникейская* партия, главными богословами которой стали три великих каппадокийца. Будучи строгими и поледоательными ащиникми «единосущия», они дали новый импульс к пониманию Никейской веры благодаря тому, что провели четкое различие между понятиями $\omicron\upsilon\omicron\iota\alpha$ (сущность) и $\acute{\upsilon}\lambda\omicron\sigma\tau\alpha\iota\varsigma$ (ипостась), которые в эпоху Никейского Собора воспринимались как синонимы. Каппадокийцы термином $\omicron\upsilon\sigma\iota\alpha$ обозначили общую природу Единого Бога, а термином $\acute{\upsilon}\lambda\omicron\sigma\tau\alpha\iota\varsigma$ – совокупность тех личных свойств, которыми три Лица Троицы отличаются одно от другого. В связи с этим никейский термин $\omicron\mu\omicron\upsilon\omicron\sigma\iota\omicron\varsigma$ получил несколько иную окраску: он стал указывать на то, что Божественная сущность принадлежит в равной мере всем трем Лицам, Каждое из Которых обладает всей полнотой Божества. Однако при таком толковании никейское выражение $\epsilon\kappa\ \tau\eta\varsigma\ \omicron\upsilon\omicron\iota\alpha\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \Pi\alpha\tau\epsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$ (из сущности Отца) потеряло смысл – речь теперь уже не шла о «сущности Отца», но о сущности Божией, общей для трех Лиц⁸⁵.

⁸³ См.: Флоровский. Восточные Отцы, 38-41.

⁸⁴ См.: Спасский. История, 360.

⁸⁵ См.: Поеное. История, 362-363.

Среди богословских движений IV века следует упомянуть о спорах по поводу Божества Святого Духа, которые велись большей частью в среде омиусиан. Божество Святого Духа отвергали ариане; что же касается омиусиан, то между ними не было единого мнения по этому поводу. Отдельные группы противников Божества Святого Духа в IV веке назывались *пневматомахами*, или *македонянами*, однако говорить о них как о сильной богословской партии не приходится: трудно даже выяснить, в чем именно состояло их учение⁸⁶. Как известно, в Никейском Символе о Святом Духе говорилось кратко: «И во Святого Духа». Среди богословов IV века большое внимание разработке учения о Святом Духе уделили Афанасий Александрийский и Василий Великий. Последний, однако, воздерживался от того, чтобы открыто исповедовать Божество Святого Духа: написав четыре книги «О Святом Духе», он ни разу не назвал Его Богом, что породило немало недоумений в среде никейцев. В частности, объяснений по этому поводу потребовал от него Григорий Бого слов – единственный из трех великих каппадокийцев, кто последовательно отстаивал учение о Божестве Духа.

Следует также упомянуть об *аполлинарианстве*, которое стоит несколько особняком среди богословских течений IV века. Аполлинарий Лаодикийский следовал Никейскому Собору в исповедании Божества Сына, однако считал, что человеческая природа Сына не могла быть совершенной, так как две совершенные природы – одна неизменяемая (Божественная), другая изменяемая (человеческая) – не могли соединиться в одном Лице. На основе классического деления человеческого естества на ум, душу и тело Аполлинарий утверждал, что у Христа не было человеческого ума, вместо которого был Божественный Логос. Против Аполлинария писали Афанасий, Григорий Богослов и Григорий Нисский. Учение Аполлинария ознаменовало собой начало христологических споров, апогей которых приходится на V–VI века.

Такова пестрая картина богословских мнений, характерных для отдельных церковных партий, между которыми разворачивалась борьба в IV веке. В дальнейшем изложении нам придется не раз вернуться к богословской проблематике данного периода и обсуждать ее с большими подробностями.

Священство

После этого отступления мы можем вернуться к повествованию о жизненном пути Григория Богослова. Служение Григория в Назианзе в качестве священника продолжалось около десяти лет: его главным делом была помощь отцу в управлении епархией.

Начало его служения совпало с временем царствования Юлиана, который в юности был христианином, но впоследствии, во многом под влиянием учебы в Афинах, отступил от христианства и принял язычество. Став императором, он поставил своей целью восстановление язычества в качестве государственной религии. Однако в его планы не входило открытое и массовое гонение на Церковь, подобное тем, какие имели место в доконстантиновскую эпоху: христианская Церковь стала достаточно крепкой, многочисленной и влиятельной, чтобы с ней можно было вступить в открытую борьбу. Юлиан избрал более прикровенную тактику. Летом 362 года он издал «эдикт об учителях», целью которого было возбранить христианам преподавание в университетах и школах. Эдикт и последовавшее за ним разъяснительное письмо, из которых намерения автора стали очевидны, наносил удар прежде всего по христианской интеллигенции, которая была все еще достаточно малочисленной⁸⁷. Одной из жертв этого эдикта стал учитель Григория Прохересий, которого Юлиан лично знал со времен своего обучения

---

⁸⁶ Ср. Pelikan. Emergence, 212.

⁸⁷ См.: Bowersock. Julian, 83.

в Афинской академии⁸⁸. В христианской среде религиозная политика императора-отступника вызвала негодование. Григорий откликнулся на нее в двух «Словах против Юлиана»⁸⁹, в которых обрушивался на своего бывшего соученика с резкими обличениями:

Ты – против жертвы Христовой со своими сквернами? Ты – против крови, очистившей мир, со своими кровавыми приношениями? Ты объявил войну против мира? Ты поднял руку на Того, Кто за тебя и для тебя был пригвожден? Ты – против жертвы со своим идоложертвенным вкушением? против Креста – с трофеем? против смерти – с разрушением?⁹⁰ против воскресения – с мятежом (κατά της ἀναστάσεως ἐπανάστασιν)? против Мученика – с отвержением мучеников? Ты – гонитель после Ирода, предатель после Иуды, только, в отличие от него, не явивший раскаяние через удушение! Ты – христубийца после Пилата и после иудеев богоненавистник!⁹¹

Религиозная политика Юлиана затронула назианзскую паству самым непосредственным образом: император, по свидетельству Григория, послал в Назианз солдат, для того чтобы захватить христианские храмы. Однако Григорий-старший не только лично противостоял начальнику гарнизона, но и возбудил против него свою паству до такой степени, что если бы тот притронулся к христианским святыням, он был бы растоптан ногами⁹². Через посредство областного начальника Юлиан также пытался вмешаться в церковные дела после избрания на кесарийский престол неугодного ему кандидата – Евсевия: были разосланы письма с угрозами епископам, участвовавшим в хиротонии, в том числе Григорию-старшему. Последний, однако, ничуть не смутившись, ответил областному правителю письмом, в котором настаивал на четком разграничении полномочий между церковными и светскими властями: «Вам весьма легко, если захотите, совершить насилие над нами в чем-нибудь другом; но никто не отнимет у нас право защищать то, что сделано нами правильно и справедливо, если только вы не издадите закон, запрещающий нам заниматься нашими собственными делами»⁹³.

Царствование Юлиана было недолгим: он погиб в июне 363 года во время сражения с персами при Ктесифоне. На смену ему пришел христианин Иовиан, которого годом позже сменил Валент, покровитель арианской партии.

В годы правления Валента произошел еще один печальный инцидент в жизни Назианской церкви: Григорий-старший, мало разбиравшийся в богословской терминологии, поставил свою подпись под полуарианским Символом, в котором Сын Божий признавался «подобосущным» (ὁμοούσιος) Отцу. Результатом этого явилось немедленное отделение группы монахов от своего епископа. Схизма продолжалась недолго, так как Григорию-старшему удалось примириться с монахами, однако Григорию-младшему пришлось специально защищать своего отца в Слове 6-м, написанном по случаю возвращения монахов в лоно Церкви. Таким образом, роль сына-пресвитера в достижении церковного мира была не менее значительной, чем роль отца-епископа, и Григорий-младший прекрасно сознавал это:

Когда возмутилась против нас ревностнейшая часть Церкви из-за того, что нас при помощи хитрого писания и словес совратили в плохое сообщество, тогда относительно его одного были уверены, что он не согрешил в мыслях и

---

⁸⁸ Browning. Julian, 172.

⁸⁹ Написанных, впрочем, уже после кончины самодержца.

⁹⁰ То есть против искупительной смерти Христа – с разрушением христианства.

⁹¹ Сл. 4, 68; SC 309, 176-178 = 1.91.

⁹² Сл. 18, 32; PG 35, 1025 = 1.281.

⁹³ Сл. 18, 34; PG 35, 1029 = 1.283.

что чернила не очернили его душу: хотя и уловлен он был по простоте своей и, имея бесхитростное сердце, не уберется от хитрости (других). Он один, или, лучше сказать, он первый примирил с собой и другими тех, кто восстал против нас по ревности к благочестию... Так было погашено великое церковное волнение и вихрь превратился в тихое дуновение ветра, удержанный его молитвами и увещаниями, хотя и – если позволено чем-либо похвалиться – при нашем участии в благочестии и деятельности; ибо мы, участвуя во всяком его добром деле и как бы сопровождая его и следя за ним, удостоились тогда внести основную долю в это дело⁹⁴.

Григорий, таким образом, не скрывает, что «следя» за своим отцом, он участвовал в управлении епархией и постепенно становился соепископом Назианзской церкви. К подобному же служению был около 364 года призван Василий: по просьбе престарелого епископа Кесарийского Евсевия он принял священный сан и стал его ближайшим помощником. Григорий откликнулся на рукоположение Василия письмом, больше похожим на соболезнование, чем на поздравление:

Вот и ты пленник, как и меня раньше подписали; ибо нас обоих принудили к пресвитерской степени. А ведь не к этому мы стремились! Ибо мы достоверные свидетели друг о друге – больше, чем кто-либо другой, – в том, что нам нравится философия пешая и остающаяся в низах⁹⁵. Может быть, лучше было бы, чтобы этого вовсе не случилось, или не знаю, что и сказать, пока нахожусь в неведении относительно домостроительства Духа. Но раз уж это произошло, надо выдержать, как по крайней мере мне кажется, особенно из-за того, что время развязало у нас языки многим еретикам: выдержать, чтобы не посрамить ни нашу собственную жизнь, ни надежды тех, кто оказал нам доверие⁹⁶.

Григорий внимательно следил за судьбой своих друзей, радуясь их успехам и огорчаясь неудачам; иногда ему приходилось вмешиваться в их дела. Когда у Василия произошла размолвка с епископом Евсевием и он удалился из Кесарии, Григорий посылает Евсевию письма, в которых отзывается о Василии самым лестным образом⁹⁷; он также пишет Василию, советуя вернуться к епископу⁹⁸. Узнав о желании Григория Нисского, брата Василия Великого, посвятить жизнь риторике, Григорий пишет ему увещательное послание, в котором укоряет друга за то, что тот «захотел быть известным как ритор, а не как христианин»⁹⁹.

С подобными же письмами Григорий обращался к своему брату Кесарию, которого призвал отказаться от придворной карьеры. Надо отметить, что Кесарий, второй сын Григория Назианзина-старшего, в отличие от своего отца и брата избрал светскую карьеру и после получения высшего образования в Александрии стал придворным врачом в Константинополе. Он оставался при дворе даже в царствование Юлиана, что послужило соблазном для его семьи¹⁰⁰. Во время землетрясения 368 года в Никее он находился в городе, но чудесным образом уцелел¹⁰¹. Вскоре, однако, Кесарий умер. Преждевременная кончина младшего брата оставила глубокую рану в душе Григория: «Нет у меня больше Кесария, – писал он одному из их общих

⁹⁴ Сл. 18, 18; PG 35, 1005-1008 = 1.271-272.

⁹⁵ То есть скромный и тихий образ жизни, вдали от почестей и славы.

⁹⁶ Письмо 8 / Ed. Gallay, 10 = 2.241.

⁹⁷ См.: Письма 16–18 / Ed. Gallay, 17–19 = 2.421–423.

⁹⁸ Письмо 19 / Ed. Gallay, 19–20 = 2.423–424.

⁹⁹ Письмо 11 / Ed. Gallay, 13–14 = 2.424–425.

¹⁰⁰ Письмо 14 / Ed. Gallay, 16 = 2.416.

¹⁰¹ Письмо 20 / Ed. Gallay, 20–21 = 2.428–429.

друзей. – И скажу, что хотя страдание не свойственно философии, я люблю все, что принадлежало Кесарию, и если вижу что-либо напоминающее о нем, обнимаю и целую это, словно его самого, и думаю, что как бы вижу его, нахожусь с ним и беседую с ним»¹⁰².

Вслед за Кесарием умерла и сестра Григория – Горгония. Григорий посвятил обоим надгробные слова¹⁰³, произнесенные еще при жизни родителей. Эти слова, вместе со Словом 18-м, написанным позднее и посвященным памяти отца, составляют тот венок, который Григорий возложил на фамильную гробницу. На примере всех членов своей семьи – брата, сестры, отца и матери – Григорий показывает в этих Словах, что он понимает под святостью и каковы плоды истинного христианского благочестия.

В 370 году умер епископ Кесарийский Евсевий: наиболее вероятным кандидатом на его пост был Василий, который фактически управлял епархией при жизни Евсевия. Еще прежде, чем новость о кончине Евсевия достигла Назианза, Григорий получил письмо от Василия, в котором последний извещал его о своей болезни и просил приехать как можно скорее. Григорий был глубоко опечален, так как вообразил, что его друг умирает, и немедленно отправился в путь. Однако в дороге он обнаружил, что он не единственный служитель Церкви, направляющийся в Кесарию. Узнав о предполагаемом избрании нового епископа и не без оснований предположив, что Василий обманывал его, когда писал о своей болезни, и что на самом деле намерением Василия было завлечь его в Кесарию и заставить участвовать в собственном избрании, Григорий посылает Василию с дороги следующее письмо:

Ты вызвал нас в столицу, когда предстояло совещание относительно епископа. И какой благовидный и убедительный предлог! Притворился, что болен и находишься при последнем издыхании, что желаешь нас видеть и попрощаться. А я и не знал, к чему все это и как своим присутствием могу помочь. Тем не менее я отправился в путь, опечаленный известием. Ибо что для меня выше твоей жизни и что печальнее твоего исхода? Проливал я источники слез и рыдал, и впервые тогда узнал о себе, что настроен не философски. И чего только не наполнил я надгробными воплями! Когда же узнал, что епископы едут в столицу, я остановился в пути... развернул корму и еду обратно¹⁰⁴.

Григорий не поехал в Кесарию, вероятнее всего потому, что опасался, что избрание будет сопровождаться интригами и волнением, в которых он, как «философ», не хотел принимать участия. А может быть, он не поехал просто потому, что почувствовал себя оскорбленным и обманутым. Тем не менее Григорий принял участие в избрании Василия: от имени своего отца он послал в Кесарию два письма, в которых поддерживал кандидатуру Василия¹⁰⁵. По этому же поводу он писал Евсевию Самосатскому – тоже от имени отца¹⁰⁶. Когда же Василий был избран, на хиротонию отправился Григорий-старший: Григорий-младший, верный «философским» принципам, остался дома¹⁰⁷. Он, однако, послал Василию поздравление, в котором объяснял причины своего нежелания ехать в Кесарию: «Не поспешил я к тебе тотчас, и не спешу... во-первых, чтобы сохранить честь твою и чтобы не подумали, что ты собираешь своих сторонников... а во-вторых, чтобы и самому мне приобрести постоянство и безукоризненность»¹⁰⁸.

¹⁰² Письмо 30 / Ed. Gallay, 27 = 2.429.

¹⁰³ См.: Слова 7 и 8.

¹⁰⁴ Письмо 40 / Ed. Gallay, 35 = 2.436.

¹⁰⁵ Письма 41 и 43 / Ed. Gallay, 36–37; 39 = 2.438; 440.

¹⁰⁶ Письмо 42 / Ed. Gallay, 38–39 = 2.439.

¹⁰⁷ Письмо 44 / Ed. Gallay, 40–41 = 2.440.

¹⁰⁸ Письмо 45 / Ed. Gallay, 41 = 2.441.

Переписка Григория с Василием после избрания последнего архиепископом Кесарии Каппадокийской была достаточно регулярной. В основном она сводилась к тому, что Василий приглашал Григория к себе, а Григорий под разными предлогами отказывался приехать. Одно из писем того периода представляет интерес с догматической точки зрения: в нем речь идет о Божестве Святого Духа. Третья четверть IV века была временем напряженных споров по этому поводу: Божество Святого Духа отвергалось, в частности арианами, «омиями» и «омиусианами». К числу последних относилось большинство людей, которые окружали Василия, в том числе его хорепископы. Хотя Василий верил в Божество Духа, но в силу обстоятельств времени он избегал заявлять об этом открыто. Такая тактика вызывала недовольство в кругах строгих никейцев, в частности среди монашествующих¹⁰⁹.

В письме, о котором идет речь, Григорий сообщает своему другу о том, как в некоем собрании он защищал его от упреков одного монаха, который всем говорил, что Василий уклонился от истины в учении о Святом Духе, так как избегает открыто исповедовать Божество Духа. Григорий уверяет Василия в том, что он сам нисколько не сомневался в правильности тактики Василия: он понимает, что Василий не может открыто говорить о Божестве Духа, потому что за это он будет лишен кафедры. Тем не менее в конце письма Григорий обращается к Василию с многозначительным вопросом: «Ты же научи нас, о божественная и священная глава, до каких пределов позволительно нам простираться в богословии о Духе, какие употреблять выражения и до какой степени быть осторожными – чтобы все это иметь против критиков. Ибо если бы я потребовал объяснений для себя – я, который лучше всех знаю тебя и твои взгляды и неоднократно о них сам давал и получал удостоверение – то, конечно, я был бы самым невежественным и жалким человеком»¹¹⁰. Хотя Григорий и настаивает на том, что разъяснения нужны «критикам», а не ему, нельзя не услышать в этих словах его собственного недоумения по поводу умолчаний Василия, хотя и деликатно прикрытого риторическими фигурами.

Василий был не из тех, кого легко было ввести в заблуждение риторикой: он понял, что письмо Григория содержало замаскированный упрек в нерешительности, и оскорбился этим¹¹¹. Однако он ответил со свойственной ему уравновешенностью, дав понять Григорию, что не намерен оправдываться ни перед ним, ни, тем более, перед своими противниками. Удивительно, пишет Василий, не то, что какие-то неофиты критикуют его, а то, что близкие друзья, которые имели достаточно случаев убедиться в его православии, прислушиваются к голосу этих неофитов. «Причина же этого в том, что... не встречаемся мы друг с другом; ибо если бы, как в прежних обстоятельствах... проводили мы вместе много времени в году, то не дали бы доступа к себе клеветникам»¹¹².

Епископская хиротония

Одно из писем Григория к Василию посвящено начавшемуся конфликту между последним и Анфимом Тианским¹¹³. Суть конфликта заключалась в следующем. Когда в 371 году император Валент по экономическим и финансовым соображениям разделил Каппадокию на две области, город Тиана стал столицей второй Каппадокии. В связи с этим епископ Тианский Анфим, прежде подчинявшийся Василию, стал самостоятельным митрополитом, поскольку его кафедра получила значение столичной. Василий, не согласный с такими переменами, объ-

¹⁰⁹ См.: Quasten. *Patrology* III, 231–233.

¹¹⁰ Письмо 58 / Ed. Gallay, 54 = 2.444.

¹¹¹ Ср. Письмо 59 / Ed. Gallay, 54 = 2.445.

¹¹² Письмо 71 / Ed. Courtonne, 167 = Рус. пер., т.3, с.97.

¹¹³ Письмо 47 / Ed. Gallay, 43 = 2.445–446.

явил войну Анфиму. Эта война носила церковно-политический характер: нет достоверных сведений о том, чтобы Анфим был арианом и чтобы между двумя епископами были разногласия на богословской почве. Первым делом Василий решил создать новые епископские кафедры на территории, вошедшей в юрисдикцию Анфима, и рукоположить на них своих сторонников. Одним из городов, где Василий создал такую кафедру, стали Сасимы: епископом этого города он назначил своего друга Григория.

Епископская хиротония Григория – один из самых тяжелых эпизодов в его жизни, о котором он не мог вспоминать без глубокого сожаления. Рукоположив Григория для несуществующей кафедры, Василий не только окончательно лишил своего друга безмолвия и «философской» жизни: он навсегда лишил его права стать законным епископом где бы то ни было, так как, согласно церковным канонам, действовавшим в ту эпоху, епископ одного города не мог принимать на себя управление церковью другого города. Читая жалобы Григория на свою судьбу, мы опять невольно задаемся вопросом: что заставило его согласиться на еще одно «насилие» и принять хиротонию, которая противоречила его устремлениям? Григорий отчасти дает ответ на это в Слове 10-м, произнесенном в присутствии Василия Великого и Григория Назианзина-старшего:

Нет ничего более сильного, чем старость, и более уважаемого, чем дружба. Ими приведен к вам я, узник во Христе, скованный не железными кандалами, но нерасторжимыми узами Духа. До сих пор считал я себя крепким и непреодолимым, и... чтобы только не иметь забот и философствовать в безмолвии, я все предоставлял желающим, беседуя с самим собой и с Духом... А что теперь? Дружба преодолела меня, и седины отца покорили меня...¹¹⁴

Итак, уважение к отцу и любовь к Василию заставили Григория подчиниться и принять рукоположение. Вероятно, в момент хиротонии он не осознавал, что ждет его в ближайшем будущем: Слово 9-е, написанное по случаю рукоположения, дышит спокойствием перед лицом совершившегося факта; посетовав на «насилие», Григорий все же выражает готовность нести вверенное ему служение. Понимание всей трагичности собственной ситуации пришло к нему позже, когда он увидел, что овладеть Сасимами сможет не иначе, как вооруженным путем: Анфим поставил на дороге в Сасимы отряд воинов, который должен был воспрепятствовать въезду Григория в город. Когда Григорий понял, что стал жертвой церковной интриги и что его лучший друг подставил его под удар, его возмущение было велико. Во всем происшествии он увидел прежде всего следствие гордости Василия, который, получив архиерейскую кафедру, забыл о законах дружбы:

Тогда... пришел к нам возлюбленнейший из друзей,
Василий – со скорбью говорю, однако же скажу –
Мой второй отец, еще более тягостный.
Одного надо было переносить, хотя он и поступал со мной
тиранически¹¹⁵,
Но не было нужды терпеть от другого ради дружбы,
Приносившей мне вред, а не освобождение от зол.
Не знаю, самого ли себя, исполненного грехов...
Обвинять за случившееся – оно все еще, как недавнее,
Приводит меня в волнение, – или обвинить твою гордыню,
До которой довел тебя престол, о благороднейший из людей?..

---

¹¹⁴ Сл. 10, 1, 1–2, 3; SC 405, 316–318 = 1.192.

¹¹⁵ Об отношении Григория к отцу следует сказать, что в нем сочеталось глубокое и благоговейное почтение со страхом. Абсолютная власть отца над Григорием тяготила последнего, что можно видеть из данного текста.

Что же случилось с тобой? За что вдруг так далеко
Отбросил ты нас? Да погибнет в этой жизни
Закон дружбы, которая так уважает друзей!
Вчера были мы львами, а теперь
Я стал обезьяной, а ты почти что лев.
Если бы даже и на всех своих друзей –
скажу высокомерное слово! –
Так смотрел ты, то и тогда не следовало бы так смотреть на меня,
Которого когда-то ставил ты выше прочих друзей,
Пока не вознесся за облака и не стало все ниже тебя.
Почему волнуешься, душа моя? Удержи коня силою,
И пусть речь опять идет своим ходом. Этот человек
Стал лжецом – тот, кто во всем остальном был совершенно не
лживым;
Много раз слышал он, как я говорил,
Что «надо пока все претерпевать, даже если что-либо худшее
случится,
Но когда не станет на свете родителей,
Тогда у меня будут все причины оставить дела
И приобрести от бездомной жизни
То преимущество, что я стану гражданином всякого места».
Он слышал это и хвалил мое слово,
Однако же насильно возводит меня на епископский престол,
Вместе с отцом, который уже во второй раз запнул меня в этом¹¹⁶.

Григорий не останавливается перед тем, чтобы обвинить своего друга во властолюбии и жадности. Главной причиной битвы за Сасимы, считает он, была не вера и не благочестие, а доходы, которых лишился Василий вместе с второй Каппадокией, отходившей к Анфиму. Описывая Сасимы, Григорий не жалеет красок, чтобы показать, сколь ничтожным и провинциальным было это селение. Ему ли – аристократу, поэту и философу – прозябать в таком скучном месте?

Есть какая-то станция на большой каппадокийской дороге: Там одна дорога делится на три;

Это место безводное, лишненное зелени, лишненное всех удобств,
Селение ужасно скучное и тесное.
Там всегда пыль, грохот повозок,
Слезы, рыдания, собиратели налогов, орудия пыток, цепи;
А народ там – чужеземцы и бродяги.
Такова церковь в моих Сасимах!
Вот какому городу отдал меня тот, кому пятидесяти хорепископов
Было мало – о, великодушие! –
И для того, чтобы удержать это за собою, когда другой
Отнимал насильно, он установил там новую кафедру...
Кроме всего прочего, что перечислено выше,
Овладеть этим престолом нельзя было без кровопролития:

---

¹¹⁶ PG 37, 1056–1058 = 2.358–359.

О нем спорили два противоборствующих епископа,
Между которыми началась страшная война;
Причиной же было разделение отечества
На два города, которые стали главенствовать над меньшими
городами.
Души (верующих) были лишь предлогом, истинной же причиной
было властолюбие;
Не осмелюсь сказать – сборы и поборы,
От которых весь мир жалким образом колеблется.
Итак, как правильно было поступить перед Богом?
Терпеть? Принять все удары бедствий?
Идти, невзирая ни на что, увязнуть в болоте?
Идти туда, где не мог бы я упокоить и этой старости,
Всегда насильственно выгоняемый из-под крова,
Где не было бы у меня хлеба, чтобы преломить его с пришельцем,
Где я, нищий, принял бы в управление нищий народ?..
В чем-нибудь другом, если хочешь, требуй от меня великодушия,
А это предложи тем, кто поумнее меня!
Вот что принесли мне Афины, совместные занятия словесностью,
Жизнь под одной крышей, хлеб с одного стола,
Один ум в обоих, а не два, удивление Эллады
И взаимные обещания как можно дальше отринуть от себя мир,
А самим жить общей жизнью для Бога,
Словесность же принести в дар единому мудрому Слову!
Все рассыпалось! Все брошено на землю!
Ветры уносят старые надежды!
Куда бежать? Хищные звери, не примете ли вы меня?
У них больше верности, как мне кажется¹¹⁷.

Итак, Григорию не было места в Сасимах. Не пожелав вступать в войну с Анфимом, он вообще не прикоснулся к своей епархии, не совершил там ни одной службы, не рукоположил ни одного клирика¹¹⁸. Нетрудно догадаться, что он сделал немедленно после своей хиротонии: ушел в пустыню и предался безмолвию, на этот раз без Василия. Из уединения Григорий посылает Василию письма, исполненные горечи и желчи:

Упрекаешь нас в праздности и нерадении, потому что не взяли мы твоих Сасим, не увлеклись епископством, не вооружаемся друг против друга, словно собаки, дерущиеся за брошенный им кусок. А для меня самое великое дело – бездействие... И думаю, что если бы все подражали мне, то не было бы проблем в церквах, не поносились бы вера, которую всякий обращает в оружие своей любви к битвам¹¹⁹.

Другое письмо на ту же тему выдержано в еще более язвительном тоне, сквозь который просвечивает искреннее и глубокое разочарование:

...Мы брошены, словно самый бесцельный и ничего не стоящий сосуд, негодный к употреблению, или словно подпорка под апсидами, которую

---

¹¹⁷ PG 37, 1059–1062 = 2.359–360.

¹¹⁸ PG 37, 1065–1066 = 2.361.

¹¹⁹ Письмо 49 / Ed. Gallay, 45 = 2.447.

после окончания строительства вынимают и выбрасывают... А я выскажу то, что у меня на сердце, и не гневайся на меня... Не буду подбирать себе оружие и учиться военной тактике, которой не научился прежде... Не буду подставлять себя военачальнику Анфиму... будучи сам безоружным, не воинственным и уязвимым. Но войю с ним сам, если угодно... А мне вместо всего дай безмолвие... И для чего митрополю лишать славных Сасим?.. Но ты мужайся, побеждай и все влеки к собственной славе, как река, поглощающая весенние потоки, ни дружбы, ни привычки не предпочитая добродетели и благочестия... Мы же одно только приобретем от твоей дружбы – что не будем верить друзьям и ничего не предпочтем Богу¹²⁰.

Пробыв некоторое время в уединении, Григорий, опять же по просьбе отца, вернулся в Назианз. Там он помогал отцу до самой его смерти, последовавшей в 374 году. Незадолго до кончины Григория-старшего произошел еще один досадный эпизод, по поводу которого Григорию-младшему пришлось вести переписку с Василием: Назианз посетил Анфим Тианский. Целью визита Анфима было, очевидно, привлечение обоих Григориев на свою сторону: зная о негодовании Григория-младшего на Василия, Анфим, видимо, надеялся сыграть на его оскорбленном самолюбии. Однако оба Григория подтвердили свою полную лояльность Василию. Миссия Анфима провалилась. Когда же Василий узнал о случившемся, он выразил недовольство по поводу того, что епископы Назианзский и Сасимский принимали у себя его злейшего врага. Григорий-младший увидел в этом очередное проявление гордыни Василия и ответил со свойственной ему резкостью:

Как горячо и по-лошадиному скачешь ты в своих письмах! И чему удивляться, если ты, вкусив немного славы, хочешь показать мне, какую славу ты приобрел... Чтобы сказать тебе покороче, пришел к нам благороднейший Анфим с некоторыми епископами... После многих вопросов о многом – о приходах, о Сасимах, о болотах, о моей хиротонии, – после того, как он и льстил, и просил, и угрожал, и оправдывался, и порицал, и хвалил, и описывал круги, чтобы доказать, что нам надо взирать только на него одного и на новую митрополию, которая важнее, я сказал: «Зачем вписываешь в свой округ наш город, когда мы-то и составляем церковь, ибо наша кафедра есть издревле мать церквей?» Наконец он ушел ни с чем, весьма надмеваясь и назвав нас... «василианами». И этим-то мы оскорбили тебя? Не думаю... Если же ты столь напыщен и славолубив и говоришь с нами свысока, как митрополит с провинциалами, то и у нас есть гордость, чтобы противопоставить твоей¹²¹.

Таковы были теперь отношения между Григорием и Василием. Впрочем, когда умер Григорий-старший, Василий приехал на его похороны и вновь встретился с Григорием-младшим. Последний произнес в его присутствии надгробное слово отцу; темой слова является восхваление добродетелей почившего епископа, однако несколько похвальных фраз сказаны и в адрес Василия¹²². Григорий слишком сильно любил Василия, чтобы не простить нанесенных ему обид, хотя они и останутся в его душе незаживающими ранами. Может быть, похвальные слова Григория в адрес Василия, произнесенные над гробом отца, были знаком примирения между двумя друзьями. Тем не менее даже перед гробом отца Григорий не упускает случая жало-

¹²⁰ Письмо 48 / Ed. Gallay, 44–45 = 2.448–449.

¹²¹ Письмо 80 / Ed. Gallay, 45–47 = 2.449–450.

¹²² Сл. 18, 35; PG 35, 1033 = 1.284.

ваться на Василия за то, что он вместе с отцом возвел его на епископский престол и подверг многим скорбям¹²³.

После смерти отца Григорий еще некоторое время руководил Назианзской церковью, хотя чувствовал себя посторонним человеком, управляющим чужим имуществом. Не будучи каноническим епископом Назианза, он не считал себя вправе занимать престол своего отца, несмотря на то что народ просил его об этом. Впрочем, епископство вообще не привлекало его: как всегда, его главным желанием было жить в безмолвии. Некоторое время он провел в уединении в Селевкии, надеясь, что за это время в Назианзе изберут нового епископа, однако, ничего не дождавшись, вернулся в Назианз¹²⁴.

1 января 379 года умер Василий. Эта смерть была ударом для Григория: она отодвинула на второй план все прежние обиды. Теперь у Григория не осталось ни отца, ни матери¹²⁵, ни брата, ни сестры, ни лучшего друга. Григорий много думает о смерти. Письма этого периода проникнуты глубоким пессимизмом:

Спрашиваешь, как наши дела. Крайне горьки. Нет у меня Василия, нет и Кесария – нет ни духовного, ни плотского брата. *Отец мой и мать моя оставили меня*, – скажу с Давидом¹²⁶.

Телесные болезни одолевают, старость над головою, забот множество, дела нахлынули, в друзьях нет верности, церкви без пастырей. Гибнет добро, обнажается зло; плавание – ночью, нет маяка, Христос спит. Чего только не приходится терпеть! Одно для меня избавление от зол – смерть. Но и то, что там, страшно, если судить по тому, что здесь¹²⁷.

Несколько писем этого времени адресованы Григорию Нисскому, брату Василия. Григорий Богослов был связан с Григорием Нисским дружбой давней, хотя и не столь пламенной, какой была его дружба с Василием. Григорий Нисский, в молодости мечтавший о карьере ритора, был в 372 году, в разгар войны против Анфима Тианского, рукоположен Василием в епископа города Ниссы, откуда он был изгнан арианами в 375 году. Вернувшись к своей пастве в 378 году, он благополучно управлял ею до самой кончины, намного пережив и Василия, и Григория Богослова.

Смерть Василия была общим горем Григория Богослова и Григория Нисского, которые оба считали его своим братом, другом и наставником. В письме Григорию Нисскому, написанном по случаю кончины Василия, Григорий Богослов говорит о том, что надеется видеть в своем адресате «отражение» его умершего брата, который был столь дорог им обоим:

И это выпало на мою скорбную долю – услышать о смерти Василия, об исходе святой души, которым ушла она от нас и переселилась к Господу, всю жизнь свою превратив в заботу об этом! А я, сверх всего прочего, лишен и того – по причине телесных болезней, и притом весьма опасных – чтобы облобызать священные останки, прийти к тебе, достойно философствующему, и утешить общих наших друзей. Ибо видеть опустошение церкви, которая лишилась такой славы, сложила с себя такой венец, и для глаз невыносимо, и для слуха неуместимо... Мне же, пишущему это, какое время или слово доставит утешение, кроме общения и собеседования с тобою, которые вместо

---

¹²³ Сл. 18, 37; PG 35, 1036 = 1.285–286.

¹²⁴ PG 37, 1065–1066 = 2.361–362.

¹²⁵ Она скончалась вскоре после Григория-старшего.

¹²⁶ Пс 26, 10.

¹²⁷ Письмо 80 / Ed. Galla, 71 = 2.460.

всего оставил мне блаженный, чтобы, видя в тебе его черты, словно в прекрасном и прозрачном зеркале, думать, что и он остается с нами?¹²⁸

Итак, Григорий Богослов не поехал на похороны Василия – может быть, по болезни, а может быть, потому, что не угасло еще в душе воспоминание о пережитых скорбях. Впоследствии, уже будучи на покое, Григорий напишет в память Василия Великого «Надгробное Слово»¹²⁹ – одно из лучших своих творений. Оно станет не только памятником самому Василию, но и свидетельством окончательного примирения между двумя людьми, чья дружба не раз подвергалась суровым испытаниям.

---

¹²⁸ Письмо 76 / Ed. Gallay, 65–66 = 2.460.

¹²⁹ Слово 43.

3. Константинопольский период

Константинополь. Максим-Циник

В начале 379 года, вскоре после смерти Валента, на престол Византийской империи взошел Феодосий, который, в отличие от своего предшественника, покровительствовал православным. Почти одновременно небольшая группа константинопольских православных обратилась к Григорию Богослову, который имел репутацию блестящего проповедника и последовательного защитника Никейской веры, с просьбой прибыть в столицу и поддержать их в борьбе против арианства и набиравшего силу аполлинарианства¹³⁰. В течение сорока лет город находился в руках ариан и омиев, однако теперь, с переменами в правительстве, у православных появилась надежда на улучшение ситуации. Григорий в очередной раз оказался перед выбором – оставаться в уединении или пожертвовать «философией» ради блага Церкви. В очередной раз – теперь уже без всякого «насилия» со стороны – он выбрал второе. Феномен Григория заключается в том, что, всегда высоко ценя уединение, он тем не менее не мог долго оставаться без общения с людьми¹³¹ и, проведя какое-то время вдали от публичной жизни, оказывался готовым к ней вернуться.

Григорий провел в Константинополе два с половиной года, которые стали апогеем всей его церковной и богословской деятельности: именно к этому периоду относится около половины его Слов. Константинопольский период был также очень богат событиями: большую часть поэмы «О своей жизни» Григорий посвятил событиям этого времени.

Начало было очень скромным. Прибыв в Константинополь, Григорий обнаружил, что все церкви находятся в руках ариан. Он начал совершать богослужения в небольшом домовом храме, который получил название Анастасии (Воскресения). Ариане употребляли различные способы, чтобы изгнать Григория из столицы. Сначала его обвинили в «тритеизме» – будто вместо Единого Бога он вводит многих богов¹³². Затем начались попытки физической расправы. В Великую Субботу 379 года, когда Григорий совершал Таинство крещения, в храм ворвалась толпа ариан, в том числе монахов, которые требовали изгнания Григория и бросали в него камни, после чего, обвинив в убийстве, привели для разбирательства к городским правителям. Последние, хотя и отнеслись к Григорию неблагоприятно, однако не поддержали клеветников, так как невиновность Григория была очевидна¹³³. Григорий рассказал об этих событиях в письме к Феодору, епископу Тианскому:

Слышу, что негодуешь на причиненные мне монахами и чернью оскорбления... Ужасно происшедшее, весьма ужасно – кто спорит? Поруганы были жертвенники, прервано тайнодействие, а я стоял между священнодействовавшими и метавшими в меня камнями, и в качестве защиты от камней употребил я молитвы. Забыты стыдливость дев, скромность монахов, бедствие нищих, которые из-за собственной жестокости лишились милосердия. Но, конечно, лучше быть терпеливым и тем, что претерпеваем, подать народу пример долготерпения; ведь для народа не столько убедительно слово, сколько дело – это безмолвное увещание¹³⁴.

---

¹³⁰ Ср. PG 37, 1071–1072 = 2.363.

¹³¹ Ср. Ruether. Gregory, 42.

¹³² PG 37, 1074 = 2.364.

¹³³ PG 37, 1075–1076 = 2.364.

¹³⁴ Письмо 77 / Ed. Gallay, 66 = 2.463.

О камнях, которые в него метали в Константинополе, Григорий вспоминал неоднократно: «...меня встретили камнями, как нечестивца – за это благодарение Тебе, Троица!»¹³⁵; «...пусть всякий мечет в меня камнями, ибо я издавна приучен к камням!»¹³⁶; «...вспоминай о том, как в меня бросали камнями»¹³⁷; «...камнями встретили меня, как других встречают цветами»¹³⁸. Это был тот опыт исповедничества, о котором Григорий никогда не забывал и не хотел, чтобы забыли другие.

Вскоре после описанного инцидента Григорий оказался вовлеченным в конфликт между Мелетием и Павлином – двумя противоборствующими епископами Антиохии. Этот конфликт продолжался с начала 60-х годов, когда на место Мелетия, изгнанного из города арианами, был рукоположен Павлин, представлявший другую антиарианскую группировку. Впоследствии, когда Мелетий вернулся в Антиохию, Павлин не вступил с ним в общение, из-за чего образовался длительный раскол. По утверждению историков Сократа и Созомена, между мелетианами и павлинианами в Антиохии к началу 80-х годов существовало соглашение, по которому оба епископа управляли паствой совместно: по смерти одного другой должен был быть признан единственным законным епископом¹³⁹. По другой версии, Мелетий в 380 году получил от гражданских властей официальное право на управление епархией, а Павлин остался не у дел¹⁴⁰. По-видимому, константинопольская паства была разделена между мелетианами и павлинианами. Роль Григория остается не вполне ясной: создается впечатление, что оба епископа не желали его присутствия в столице¹⁴¹.

В первой половине 380 года Григорий пережил одно из самых сильных потрясений своей жизни – конфликт с Максимом-Циником. Этот человек, прибывший в Константинополь из Александрии, был философом, обратившимся в христианство и стоявшим на никейских позициях. Его прошлое весьма сомнительно: он был дважды судим, подвергнут бичеванию и изгнан. Однако Григорий узнает обо всем этом позже: поначалу он уверен, что Максим – исповедник Никейской веры, пострадавший за свои убеждения. Григорий, сам будучи ритором и философом, проникся глубокой симпатией к Максиму; можно даже сказать, был им совершенно очарован. Он произнес в его честь Похвальное слово, в котором создал образ человека, сочетавшего мудрость философа с ревностью христианина. Приветствуя философа Ирона (он же Максим)¹⁴², Григорий не скупится на похвалы:

Приди же, о превосходнейший и совершеннейший из философов, прибавлю даже – и из свидетелей истины! Приди ко мне, обличитель ложной мудрости, которая состоит лишь в словесах и прельщает сладкими речами, а выше этого подняться не может и не хочет! Ты преуспел в добродетели – как в созерцательной, так и в деятельной, ибо философствуешь по-нашему в чуждом для нас облике, а может быть, и не в чуждом, поскольку длинные волосы назореев и освящение головы, которой не касается расческа, суть как

¹³⁵ PG 37, 1251 = 2.404.

¹³⁶ PG 37, 1292 = 2.406.

¹³⁷ Письмо 95 / Ed. Gallay, 79 = 2.468.

¹³⁸ PG 37, 1306 = 2.112.

¹³⁹ Сократ. Церк. ист. 5, 5; Созомен. Церк. ист. 7, 3.

¹⁴⁰ Феодорит. Церк. ист. 5, 3.

¹⁴¹ PG 37, 1076–1079 = 2.364–365.

¹⁴² О том, что Максим и Ирон – одно и то же лицо, свидетельствует блж. Иероним, который говорит о Слове 25-м следующее, «Похвальное слово Максиму-философу, по возвращении его из ссылки, имя которого в заглавии некоторые несправедливо заменили именем Ирона на том основании, что есть другое сочинение Григория, заключающее в себе порицание этого Максима, как будто нельзя было одного и того же человека в одно время хвалить, а в другое время – порицать» (О знам. мужах 117). Подробнее об Ироне-Максиме См.: у Mossay, SC 284, 120–141. Ср. Hauser-Meury. Prosopographie, 119–121.

бы закон для жертвенников; и поскольку светоносны и блистательны Ангелы, когда их изображают в телесном виде, что, как думаю, символизирует их чистоту¹⁴³. Приди ко мне, философ, мудрец... и собака¹⁴⁴ не по бесстыдству, но по дерзновению, не по прожорливости, но по умеренности, не потому, что лаешь, но потому что охраняешь доброе, бодрствуешь в заботе о душах, ласкаясь ко всем, которые близки тебе в добродетели, и лаешь на всех чужих. Приди ко мне, встань рядом с жертвенником, с этим таинственным Престолом и со мной, ведущим через все это к обожению: сюда приводит тебя словесность и образ жизни и очищение через страдания. Приди, я увенчаю тебя нашими венцами и провозглашу громким голосом!..¹⁴⁵

Так высоко оценил Григорий Максима-Ирона. Он приблизил его к себе, поселил у себя в доме и делил с ним трапезу, во время которой епископ и философ вели продолжительные беседы¹⁴⁶. Однако за спиной у Григория Максим вел переговоры с Петром Александрийским, который сначала в письменной форме признал Григория епископом Константинополя, но потом, видимо под влиянием Максима, изменил свое отношение к нему¹⁴⁷. Поскольку Григорий не был официально утвержденным епископом Константинополя, а лишь по приглашению группы верующих нес там свое служение, кафедра формально оставалась свободной, и Петр решил рукоположить на нее Максима. Последний, со своей стороны, собрал вокруг себя некоторое количество сторонников среди столичного клира, а также прибывших в Константинополь египетских епископов.

Рукоположение Максима было совершено в начале лета 380 года, ночью, в храме Анастасии, когда Григорий лежал дома больной. Церемония еще не закончилась, когда настало утро и город узнал о происшедшем. Негодующие толпы людей собрались к храму и изгнали оттуда египетских епископов, которым ничего не оставалось, кроме как закончить обряд в другом месте.

Григорий глубоко пережил предательство Максима. Вспоминая события той ночи, он не скрывает своего отвращения к человеку, который был его ближайшим другом и в одночасье сделался злейшим врагом. Трудно поверить, читая строки, посвященные Максиму в поэме «О своей жизни», что речь идет о том самом человеке, которого Григорий совсем недавно так красноречиво восхвалял¹⁴⁸. Даже особенности внешнего облика Максима, которые раньше напоминали Григорию о назореях и Ангелах, теперь вызывают у него только презрение и брезгливость:

Был у нас в городе некто женоподобный,
Египетское привидение, злое до бешенства,
Собака, собачонка, уличный прислужник,
Аррей, безголосое бедствие, китовидное чудовище,
Белокурый, черноволосый. Черным
Был он с детства, а белый цвет изобретен недавно,
Ведь искусство – второй творец.
Чаще всего это бывает делом женщин, но иногда и мужчины

¹⁴³ Максим носил белый философский плащ и длинную шевелюру.

¹⁴⁴ Греческое слово «киник» (циник) созвучно слову κῴων (собака).

¹⁴⁵ Сл. 25, 2, 1–24; SC 284, 158–160 = 1.358–359.

¹⁴⁶ PG 37, 1085 = 2.367.

¹⁴⁷ Ср. PG 37, 1088 = 2.368.

¹⁴⁸ Впрочем, для профессионального ритора не представляло трудности представить один и тот же объект сначала в положительном, затем в отрицательном свете; это было одно из классических упражнений на занятиях риторикой.

Золотят волосы и делают философскую завивку.
Так и женскую косметику для лица употребляйте, мудрецы!..
Что Максим не принадлежит уже к числу мужчин,
Показала его прическа, хотя до того это было скрыто.
То удивляет нас в нынешних мудрецах,
Что природа и наружность у них двойственны
И весьма жалким образом принадлежат обоим полам:
Прической они похожи на женщин, а жезлом – на мужчин.
Этим он и хвастался, как какая-то городская знаменитость:
Плечи его всегда осенялись легкими кудрями,
Из волос, словно из прашей, летели силлогизмы,
И всю ученость носил он на теле.
Он, как слышно, прошел по многим лукавым путям,
Но о других его приключениях пусть разужают другие:
Не мое дело заниматься исследованиями.
Впрочем, в книгах у градоправителей все это записано.
Наконец, утверждает он в этом городе.
Здесь ему не хватало привычной для него пищи,
Но у него был острый глаз и мудрое чутье,
Ибо нельзя не назвать мудрым и этот горький замысел –
Низложить с кафедры меня,
Который не обладал ею и вообще не был удостоен титула,
А только охранял и примирял народ.
Но еще мудрее то, что, будучи искусным в плетении интриг,
Он не через посторонних разыгрывает эту драму,
Но через меня же самого,
Совершенно не привычного к этому и чуждого любой интриге...¹⁴⁹

Описывая само рукоположение, Григорий все повествование строит на волосах Максима, продолжая использовать и образ собаки, прилипший к философу еще со времен Похвального слова:

Была ночь, а я лежал больной. Словно хищные волки,
Неожиданно появившиеся в загоне для овец...
Они спешат обстричь собаку и возвести ее на кафедру
До того, как это станет известно народу, вождам Церкви
И мне самому, по меньшей мере собаке этого стада...
Настало утро! Клиз – потому что клирики жили близко –
Воспламеняется, молва быстро переходит
От одного к другому. Разгорается
Весьма сильный пожар. Сколько стекло чиновников,
Сколько иностранцев и даже незаконнорожденных!¹⁵⁰
Не было человека, который не возмутился происходившим тогда,
Видя такое вознаграждение за труды.
Но к чему продолжать речь? Немедленно с гневом удаляются они
отсюда,

---

¹⁴⁹ PG 37, 1081–1083 = 2.366–367.

¹⁵⁰ То есть людей сомнительной веры (м. б. омиев).

Скорбя о том, что не достигли цели.
Но чтобы не пропали начатые злодеяния,
Доводят до конца и остальную часть своего спектакля.
В бедное жилище флейтиста
Входят эти почтенные люди, друзья Божии,
Имея с собой нескольких самых презренных мирян,
И там, остригши злейшую из собак, делают ее пастырем...
Свершилось посечение густых кудрей,
Без труда уничтожен этот долговременный труд рук,
А сам он приобрел одно то,
Что обнаружена тайна волос,
В которых заключалась вся его сила,
Как повествуется это и о судье Сампсоне...
Но из собаки превращенный в пастыря снова из пастырей
Превращается в собаку – какое бесчестие!
Брошенная собака, не носит он больше
Красивых волос, но и стадом не владеет,
А снова бегает по мясным рынкам за костями.
Что же сделаешь со своими прекрасными волосами?
Снова
Будешь тщательно их отращивать? Или останешься таким
посмешищем, как теперь?
То и другое постыдно, а между этими двумя крайностями
Невозможно найти ничего, кроме петли, чтобы удавиться.
Но где положишь или куда пошлешь эти волосы?
Не на театральную ли сцену, скажи мне, не к девицам ли?
Но к каким девицам? Не к своим ли, коринфским?...¹⁵¹

Отвечая на недоумения по поводу того уважения, которое он оказывал Максиму вначале, Григорий признается в своей доверчивости и говорит о том, что он был жестоко обманут. Более того, он искренне сожалеет о тех похвальных словах, которые произносил в адрес Максима:

«Итак, что же? Не вчера ли был он в числе твоих друзей?
Не вчера ли удостаивал ты его самых великих похвал?»
Так, может быть, возразит мне кто-либо из знающих те события,
Поставив мне в вину тогдашнюю готовность,
С которой уважал я даже худших из собак.
Да, я находился в полном неведении, достойном порицания,
Обольщен я был подобно Адаму зловерным вкусом.
Прекрасным по виду было горькое дерево.
Обманула меня личина веры, которую видел я на его лице,
Обманули и льстивые слова...
Но что мне было делать? Ответьте, мудрецы!
Что иное, думаете вы, сделал бы кто-нибудь из вас самих,
Когда церковь находилась в таком стеснении,
Что немало для меня значило собирать и солому.
Стесненные обстоятельства не дают такой свободы,

---

¹⁵¹ PG 37, 1090–1093 = 2.369–370.

Какую можно иметь во времена изобилия.
Для меня было важно, если и собака ходит на моем дворе
И чтит Христа, а не Геракла.
Но здесь было нечто и большее: о том изгнании,
какому подвергся он за постыдные дела,
Уверял он, что потерпел это ради Бога.
Он был бичуем, а для меня был победоносцем.
Если это тяжкий грех, то знаю, что много раз и во многом
Погрешал я подобным образом. Простите же меня, судьи,
За это доброе прегрешение.
Он был злейшим человеком, а я считал его добрым.
Или сказать нечто более смелое?
Вот, отдаю мой не умеющий соображаться со временем и
говорливый язык.
Кто хочет, пусть немилосердно отсечет его¹⁵².

Максиму пришлось с позором удалиться из Константинополя. Он, однако, не считал себя окончательно побежденным и отправился в Фессалоники, надеясь добиться утверждения своей хиротонии императором Феодосием. Государь встал на сторону Григория, и Максим уехал ни с чем. Вероятно, Максим не ограничился устными выступлениями против Григория, но и писал что-то по его поводу, так как сохранился ответ Григория, выдержанный в таком же оскорбительном и уничижительном тоне:

Что это? Ты, Максим, смеешь писать?
Писать смеешь ты? Какое бесстыдство!
В этом ты превзошел и собак!
Всякий смел на все! Вот так времена!
Как грибы, вылезают из-под земли
Мудрецы, военачальники, благородные, епископы...
О невероятные и неслыханные новости!
Саул во пророках, Максим среди писателей!
Кто же теперь не пророк? Кто удержит свою руку?
У всех есть бумага, даже и у старух есть трость,
Чтобы говорить, писать, собирать вокруг себя толпу...
Ты пишешь! Но что и против кого, собака?
Пишешь против человека, которому по природе так же
свойственно писать,
Как воде – течь, а огню – гореть;
Чтобы не сказать, что пишешь против того, кто ничем тебя не
обидел,
Но, наоборот, был оскорблен тобою.
Какое безумие! Какая невежественная наглость!..
Впрочем, не предположить ли, что ты одно имел в виду –
А именно, что и оскорбляя, не будешь удостоен слова?
Одно это и кажется мне в тебе мудрым.

---

¹⁵² PG 37, 1095–1097 = 2.370–371.

Ибо кто, находясь в здравом уме, захочет связываться с собакой?¹⁵³

Психологически объяснить неприязнь Григория к Максиму нетрудно: он был слишком глубоко оскорблен, унижен и обесчещен, чтобы забыть о предательстве философа. Труднее найти объяснение этому феномену с христианской точки зрения. Воспитанный на Священном Писании, Григорий достаточно хорошо знал о том, что от христианина требуется прощение обидчиков. Тем не менее он решается написать столько оскорбительных слов в адрес Максима и, более того, включить их в корпус своих сочинений. Не приходится сомневаться в том, что Григорий сам внимательно следил за подготовкой всех своих сочинений к публикации – собирал их в книги, отдавал переписчикам, рассылал копии друзьям. Решаясь на то, чтобы увековечить свое отношение к Максиму, Григорий, очевидно, был уверен, что вся эта история послужит назидательным примером потомству. Он также рассчитывал на то, что, читая строки, посвященные Максиму, всякий встанет на сторону Григория и осудит в лице Максима лицемерие, неверность и предательство.

Григорий, по-видимому, рассматривал всю свою жизнь как нравственный урок, вернее – как сумму нравственных уроков, из которых читатель может извлечь пользу для себя: именно поэтому он так много писал о своей жизни. Из своих занятий риторикой Григорий хорошо усвоил, что всякий литературный персонаж и всякий совершенный им поступок относится либо к области добродетели, либо к области порока и может оцениваться либо положительно, либо отрицательно. Именно так, в черно-белых тонах, воспринимала мир античная литература и риторика: так же, по-видимому, воспринимал жизнь Григорий Богослов. Все его герои, как правило, бывают или положительными, или отрицательными: к числу первых относятся Григорий Назианзин-старший и Нонна, Кесарий и Горгония, Киприан Карфагенский и Афанасий Александрийский, Василий Великий и философ Ирон; к числу последних – Юлиан Отступник и Максим-Циник. Создавая отрицательный образ, Григорий не скупился на краски, так как был уверен, что его рассказ об этом лице будет иметь нравственную значимость для потомства. В заключительной части нашей работы мы будем отдельно говорить о портретах, созданных Григорием Богословом.

Богословская деятельность Григория в Константинополе. Его интронизация

После истории с Максимом-Циником Григорий в очередной раз собрался уходить на покой. Во время богослужения в храме Анастасии он объявил о своем намерении народу, чем вызвал настоящую бурю: все требовали, чтобы он остался, так как в нем видели твердого защитника Православия. Григорий согласился только после того, как услышал крик из толпы: «Вместе с собой ты уводишь Троицу». Имя Святой Троицы всегда вызывало особые чувства в сердце Григория: он сразу же пообещал остаться, но только до созыва Вселенского Собора¹⁵⁴.

Вскоре он уехал в деревню, чтобы собраться с силами и мыслями. Вернувшись, он произнес Слово 26-е, в котором упомянул о «собаках», ставших пастырями, и призвал тех из раскольников, которые не совсем потеряли совесть, покаяться перед Богом и вернуться в церковь¹⁵⁵. Слово 26-е – одно из самых поэтичных в литературном наследии Григория: в нем много автобиографических деталей, проливающих свет на его личность. Григорий, в частности, гово-

---

¹⁵³ PG 37, 1339–1344 = 2.267–269.

¹⁵⁴ PG 37, 1102–1105 = 2.372–373.

¹⁵⁵ Сл. 26, 3, 29–33; SC 284, 232 = 1.374.

рит о том, почему ему необходимо время от времени прерывать свою публичную деятельность и удаляться в уединение:

Итак, каковы плоды моей пустыни? Хочу я, как хороший купец, отовсюду собирающий прибыль, вынести нечто и вам на продажу. Однажды, когда день уже склонялся к вечеру, прогуливался я наедине с собой вдоль берега моря. Ибо я привык всегда облегчать труды такими передышками; ведь не выдерживает напряжения всегда натянутая тетива, и необходимо немного ослаблять ее на луке, чтобы затем снова натянуть... Так я ходил, и ноги переносили меня, а взор покоился на море... Что же происходило тогда?.. При порывах сильного ветра море волновалось и завывало, а волны, как обычно бывает при таком шторме, одни поднимались вдали и постепенно, то возвышаясь, то понижаясь, достигали берега и разбивались, другие же, ударяясь о ближние скалы и сокрушаясь о них, превращались в пену и высоко летящие брызги. Море выбрасывало на берег камешки, водоросли, ракушки и легчайших устриц; и некоторые опять уносило с отливом волны. Но твердо и неподвижно стояли они (скалы), как будто ничто не беспокоило их, кроме того, что ударялись о них волны. Из этого сумел я извлечь нечто полезное для философии... Не море ли, сказал я, жизнь наша и все человеческое; а ветры – не постигающие ли нас искушения и все неожиданное?.. Что же касается искушаемых, то одни, подумалось мне, как легчайшие и бездыханные уносятся (волнами) и ничуть не противостоят напастям... Другие же суть камни, достойные Того Камня, на Котором мы утверждены и Которому служим, – это все те, кто, руководствуясь философским разумом и возвышаясь над ничтожеством толпы, все переносят с твердостью и непоколебимостью...¹⁵⁶

Итак, под влиянием размышлений на лоне природы Григорий пришел к мысли о необходимости переносить скорби по-философски: вот для чего нужны ему часы уединения. Это типичный для риторики прием выведения нравственного урока из пейзажной зарисовки; впрочем, несмотря на всю свою тривиальность, образ «житейского моря», написанный Григорием, пленяет своей поэтичностью. В 26-м Слове Григорий жалуется на предательство друзей и одиночество. Он, однако, готов простить раскольников и воссоединиться с ними. Мы видим из его слов, что в нем нет ненависти к Максиму и его сторонникам – лишь глубокая скорбь пастыря, лишившегося части своих овец, и учителя, преданного учениками:

Из друзей моих и ближних одни *напротив меня, приблизившись, встали*, а другие, наиболее человеколюбивые, *вдалеке от меня встали*¹⁵⁷, и в ту ночь *все соблазнились*¹⁵⁸. Едва и Петр не отрекся от меня, а может быть, и не плачет горько, чтобы уврачевать грех¹⁵⁹. И явно, что только я один смел и исполнен дерзновения; я один благонадежен среди страха; один вынослив и, восхваляемый всенародно, но презираемый наедине, известен всему Востоку и Западу тем, что против меня идет война. *Если ополчится на меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться на Него*¹⁶⁰. Настолько не считаю страшным то, что происходило, что даже, забывая о себе, оплакиваю опечаливших меня. Некогда члены Христовы, члены для

¹⁵⁶ Сл. 26, 7, 17–9, 20; SC 284, 242–246 = 1.377–378.

¹⁵⁷ Пс 37, 12.

¹⁵⁸ Мк 14, 27.

¹⁵⁹ Ср. Мф 26, 31–35. Намек на Петра Александрийского, который изменил свое отношение к Григорию под влиянием Максима-Цинника.

¹⁶⁰ Пс 26, 3.

меня драгоценные, ныне же оскверненные, члены этого стада, которое вы едва не предали прежде, чем оно было собрано воедино, как рассеялись вы и других рассеяли?.. Как воздвигли жертвенник против жертвенника?.. Как разделением своим вы и себя подвергли смерти, и нас – страданиям?.. Какое лекарство найду для исцеления? Как соберу рассеянное? Какими слезами, какими словами, какими молитвами исцелю сокрушенное? Один лишь остается способ. Троица Святая!.. Ты восстанови для нас снова тех, кто настолько удалился от нас, чтобы самим разделением были научены они единомыслию; а нам за здешние труды воздай небесными и мирными благами, из которых первое и величайшее есть – озариться Тобою совершенное и чище...¹⁶¹

Два других Слова, относящихся к этому периоду, тоже автобиографичны: речь идет о Словах 33-м и 36-м. В первом из них Григорий перечисляет обвинения, выдвигавшиеся в его адрес. Говорили, в частности, что он рукоположен епископом в «пустое, скучное и малолюдное селение», а не в столицу¹⁶²; что у него потертая одежда, невзрачное лицо, лысина, что он говорит с каппадокийским акцентом, что он малообщителен и старомоден¹⁶³, что он – провинциал и чужеземец¹⁶⁴. В Слове 36-м, отвечая на те же обвинения, Григорий рисует собственный портрет, за который его можно было бы обвинить в нескромности, если бы в его словах не было столько искренности и готовности ответить за себя перед Богом:

...Ничто не вызывает у вас такого уважения ко мне, как то, что я не дерзок, не нагл, не театрален и не напыщен, но уступчив, умерен, необщителен даже в обществе и склонен к одиночеству; короче сказать, я – философ, но все это не приобретено мною искусственно и с расчетом, а хранится просто и духовно. Ибо не для того скрываюсь, чтобы меня искали и чтобы удостоили большей чести... но чтобы своим безмолвием показать, что избегаю председательства и не стремлюсь к таким почестям... Ибо если бы я с какими-либо человеческими и ничтожными мыслями или с желанием получить эту кафедру предстал вначале перед вами... то мне было бы стыдно неба и земли, стыдно и этой кафедры и этого собрания... стыдно было бы моих подвигов и трудов, и этой власяной одежды, и пустыни, и уединения, к которым я привык, и этого простого образа жизни и дешевой трапезы, мало отличающейся от трапезы птиц... «Но, – говорят, – не таким кажешься ты многим». Да какая разница мне, для которого быть¹⁶⁵ – важнее всего, лучше же сказать – составляет все... Не таким кажусь многим? Зато Богу кажусь таким, и не кажусь, а весь открыт перед Тем, Кто *знает все прежде рождения людей*¹⁶⁶... *Человек смотрит на лицо, а Бог – на сердце*¹⁶⁷.

Богословская деятельность Григория в период до II Вселенского Собора сосредоточена главным образом вокруг борьбы с арианством в его позднем варианте, получившем название аномейства, или евномианства. Большинство Слов этого периода посвящены изложению учения о Святой Троице. Классическая новоникейская тринитарная доктрина изложена Григорием в Слове 20-м, произнесенном вскоре по прибытии в Константинополь: в нем Григорий

¹⁶¹ Сл. 26, 17, 15–19, 7; SC 284, 268–270 = 2.383–384.

¹⁶² Сл. 33, 6, 8; SC 318, 168 = 1.484.

¹⁶³ Сл. 33, 8, 1–9, 1; SC 318, 172–174 = 1.485–486.

¹⁶⁴ Сл. 33, 11, 1 и 33, 13, 1–2; SC 318, 180–184 = 1.487–488.

¹⁶⁵ То есть быть, а не казаться.

¹⁶⁶ Дан 13, 42.

¹⁶⁷ Сл. 36, 3, 13–23; 6, 3–7; 7, 1–20. Ср. 1 Цар 16, 7.

опровергает основные постулаты арианства, говорит о равенстве Лиц Святой Троицы, выясняет понятие «начала» (αρχή) применительно к Сыну и говорит о вневременном рождении Сына. Те же самые темы затрагиваются в Словах 22-м¹⁶⁸ и 23-м¹⁶⁹: первое из них содержит также выпады против аполлинарианства, которое Григорий хотя и не называет ересью, тем не менее считает «братской распрей, бесчестящей и Бога, и человека»¹⁷⁰. Слово 21-е, произнесенное в этот же период, посвящено Афанасию Александрийскому, великому защитнику Никейской веры в этом Слове также немало страниц, содержащих антиарианскую полемику.

Однако самым известным из всех сочинений Григория на догматические темы, безусловно, являются Слова 27-31, известные под общим именем «Пять слов о богословии» именно это сочинение снискало Григорию бессмертную славу и имя Богослова. В 27-м Слове Григорий поднимает вопрос о необходимых условиях для богословствования: по его мнению, богословом может быть только тот, кто проводит жизнь в созерцании и очищает себя для Бога. В 28-м Слове речь идет о природе Бога: Он непостижим, бестелесен, не является Ангелом; сущность Его непознаваема; Его нельзя описать в категориях места; Он превосходит всякое определение и образ; Он познается человеком исходя из красоты космоса, из устройства человеческого естества, животного и растительного мира. Слово 29-е содержит систематическое учение о Боге Сыне, направленное против арианства. В Слове 30-м затрагивается вопрос о Божественной и человеческой природах в воплотившемся Боге Слове, а также перечисляются имена Сына, встречающиеся в Священном Писании. Наконец, в Слове 31-м Григорий доказывает Божественность Святого Духа и равенство Его двум другим Ипостасям Святой Троицы.

«Слова о богословии» стали тем литературным шедевром, с которым Григорий вошел в историю восточного христианства. С момента их написания в течение всей истории Византии они оставались наиболее авторитетным и широко читаемым сочинением на догматическую тему. Уже при жизни Григория они получили известность в качестве своего рода манифеста Никейской веры. Написанные накануне II Вселенского Собора, они, наряду с другими сочинениями великих каппадокийцев, создали почву для полного разгрома арианства и окончательного торжества никейской партии на этом Соборе.

Подготовка к Собору началась с момента издания императором Феодосием эдикта о Никейской вере в феврале 380 года: целью Собора должно было стать утверждение Никейского исповедания и избрание епископа для Константинопольской кафедры. Однако вопрос о епископе был заранее решен Феодосием: единственным достойным кандидатом представлялся ему Григорий. Феодосий вступил в столицу 24 ноября 380 года, после победоносной кампании против готов. Сразу по прибытии он встретился с епископом Демофилом, главой партии омиев, которому предложил подписать православное исповедание веры. Тот отказался. Феодосий также встретился с Григорием и передал ему в управление базилику Святых Апостолов. 26 ноября ариане были изгнаны из всех столичных храмов. На следующий день, 27 ноября, при участии императора и армии состоялась торжественная интронизация Григория в качестве архиепископа Константинопольского.

День интронизации был апогеем церковной карьеры Григория и остался одним из самых дорогих для него воспоминаний:

Наступило назначенное время. Храм был окружен солдатами,
Вооруженными и построенными в многочисленные ряды.
Туда же стремился народ, непрерывно увеличиваясь,
Волнуясь подобно песку морскому, или облакам, или волнам,

¹⁶⁸ Слово 23 рус. пер.

¹⁶⁹ Слово 22 рус. пер.

¹⁷⁰ Сл. 22, 13, 1-2; SC 270, 246 = 1.343.

С гневом против меня¹⁷¹, с мольбами к властям.
Рынки, дороги, площади, всякое место,
Двух- и трехэтажные дома сверху донизу были наполнены
зрителями –
Мужчинами, женщинами, детьми, стариками.
Суета, рыдание, слезы, вопли –
Образ города, взятого штурмом.
А я, доблестный полководец,
С этой немощной и расслабленной,
Едва дышащей плотью
Шел между войском и предводителем, смотря вверх
И ожидая помощи с надеждой,
Пока не вступил в храм, сам не знаю как...
Было утро, но над всем городом лежала ночь,
Ибо тучи закрывали собою солнечный диск;
Такое вовсе не соответствовало торжественности момента...
Это доставляло удовольствие врагам,
Говорившим, что совершаемое не угодно Богу,
А мне причиняло тайную печаль в сердце.
Но когда я и носитель порфиры
Были уже внутри почетной ограды,
Вознеслась от всех общая хвала Богу,
Призываемому при помощи голоса и воздетых рук,
Тогда, по Божию повелению, так ярко воссияло солнце
Сквозь разошедшиеся тучи,
Что все здание, прежде мрачное,
Тотчас сделалось молниевидным,
И весь храм получил вид древней скинии,
Которую покрывало сияние Божие;
У всех просветлели лица и сердца.
Осмелев при таком зрелище,
Все стали громко требовать меня...
Крича, что для города самой первой и великой наградой станет...
Если престолу буду дарован я.
Так кричали чиновники и чернь –
Все в равной мере желали этого;
О том же кричали женщины сверху¹⁷²,
Почти забыв о требованиях приличия.
Все оглашалось каким-то невероятным громом...¹⁷³

Хотя триумф Григория был полным, ариане предприняли последнюю отчаянную попытку изменить ситуацию в свою пользу: когда епископ был тяжело болен, к нему подослали убийцу. Последний, однако, явился с повинной к Григорию, припав к его ногам со слезами и рыданиями. Узнав о покушении, которое готовилось против него, Григорий был глубоко тро-

---

¹⁷¹ Имеются в виду, вероятно, ариане или омии.

¹⁷² В византийских храмах для знатных женщин строились отдельные галереи.

¹⁷³ PG 37, 1120–1123 = 2.378–379.

нут, расплакался и простил своего потенциального убийцу. Об этом случае сразу же узнал весь город¹⁷⁴.

II Вселенский Собор. Отстранение Григория

Константинопольский Собор 381 года был создан Феодосием для упорядочения церковных дел, а именно для утверждения Никейского символа и избрания епископа для Константинополя¹⁷⁵. Мнение о том, что он был создан специально для осуждения ереси македониан, не соответствует действительности: в актах Собора эта ересь упоминается в одном ряду с прочими ересями. Впрочем, на Соборе присутствовала группа из 36 епископов во главе с Елевсием Кизическим: им предложили подписаться под Никейским исповеданием, на что они ответили, что скорее примут арианство, чем «единосущие», после чего удалились с заседания¹⁷⁶. Эта группа и получила условное название македониан (хотя никакой исторической связи с давно умершим Македонием Константинопольским у них не было)¹⁷⁷.

Акты Собора не сохранились, и о его деятельности можно судить лишь по нескольким постановлениям и по сочинениям Григория Богослова, который принимал в нем участие. Собор открылся в мае 381 года под председательством Мелетия Антиохийского, который после смерти Василия Великого возглавлял новоникейскую партию. 1-м Правилom Собора¹⁷⁸ Никейское исповедание было торжественно провозглашено, а еретики – евномиане, или аномеи, ариане, или евдоксиане (омии), полуариане, или пневматомахи (македониане), савеллиане, маркеллиане, фотивиане и аполлинариане – осуждены. 2-е правило¹⁷⁹ касалось Максима:

«О Максиме-Цинике и о происшедшем от него беспорядке в Константинополе постановить: не был он епископом и не есть епископ, и рукоположенные им не состоят ни в какой степени клира; все и для него, и им сделанное уничтожается как недействительное». Григорий был утвержден в должности архиепископа Константинопольского.

Мелетий Антиохийский умер вскоре после открытия Собора; председательство на Соборе было поручено Григорию. Предстояло решить вопрос об антиохийском расколе. Поскольку соперник Мелетия Павлин был еще жив, самым простым решением было бы признать Павлина единственным по смерти Мелетия законным епископом Антиохии. Именно на таком решении настаивал Запад; с таким предложением и выступил Григорий Богослов. Он произнес длинную речь, в которой предложил оставить антиохийский престол в руках того, кто уже владеет им, то есть Павлина. Он также попросил позволения удалиться на покой и предложил избрать нового епископа на Константинопольский престол¹⁸⁰.

Григорий обращался к участникам Собора с единственной целью – способствовать прекращению раскола и восстановлению церковного мира. Однако его предложения не встретили поддержки. Восточные епископы сочли унижением для себя принять вариант, навязанный им Западом. Реакция на речь Григория была весьма бурной. Григорий вообще удивлялся, как таких людей, которые в прошлом несколько раз меняли свою богословскую ориентацию, да и теперь не умеют себя прилично вести, можно допускать к участию в Соборах:

---

¹⁷⁴ PG 37, 1129–1131 = 2.380–381.

¹⁷⁵ *Сократ*. Церк. ист. 5, 7; Созомен. Церк. ист. 7, 5–6.

¹⁷⁶ *Сократ*. Церк. ист. 5, 8.

¹⁷⁷ Ср. *Поснов*. История, 366–367.

¹⁷⁸ *Mansi* III, 560.

¹⁷⁹ *Mansi* III, 560.

¹⁸⁰ PG 37, 1140–1146 = 2.384–386.

...Они кричали каждый свое:
Стая галок, собравшихся вместе,
Какая-то буйная толпа юнцов, новая мастерская,
Вихрь, клубом поднимающий пыль, бушевание ветров.
Совещаться с такими людьми не пожелал бы никто
Из имеющих страх Божий и уважение к епископскому престолу.
Они походили на ос, которые беспорядочно мечутся
И внезапно бросаются людям прямо в лицо.
За ними следовало и почтенное старчество,
Вместо того чтобы уцеломудрить молодежь...
Не слишком ли мы человеколюбивы?
Поставили проповедническую кафедру перед алтарями
И всем кричим: «Кто хочет, входи сюда,
Хотя бы дважды или многократно менял веру!
Театр открыт для всех;
Праздник в разгаре: никто не уходи
Без прибыли. Время всего изменчивее;
Может быть, кость ляжет на другую сторону;
Не повезло тебе? Мечи снова.
Неумно привязываться к одной вере,
Когда знаем, что в жизни много выходов из положения»¹⁸¹.

Предложение Григория по прекращению антиохийского раскола отвергли, и на место Мелетия был избран антиохийский пресвитер Флавиан. Потерпев поражение, Григорий стал реже посещать соборные заседания, тем более что по болезни он вынужден был чаще оставаться дома. Он больше не испытывал никакого энтузиазма по поводу Собора:

Но скажи: «Не сам ли ты раньше хвалил все это?
И кто вообще раньше председательствовал на Соборах?»
Соборы были, и председательство на них было –
Не решаюсь сказать то, чего стыжусь, –
Но на них имели силу все, или, что то же самое, никто;
Ибо многоначалие есть анархия.
А меня, к счастью, одолевала болезнь,
Которая нередко и подолгу держала меня безвыходно дома...
...Этот многочисленный сброд христопродавцев
Тогда только допущу на Собор, когда и грязь
Станут примешивать к благоуханию чистого мира...
Им не понравился вводящий новую веру (καὶνόδοξος)¹⁸² –
Так дерзкие называют благоразумных –
Но и они не понравились благоразумному.
И вот Лот и патриарх Авраам идут
Один в одну а другой в другую сторону...
С этого времени нога моя избегала ваших собраний,
И это делалось явно, потому что переменил я дом,
Спасаясь из церковных бездн,

---

¹⁸¹ PG 37, 1146–1150 = 2.386–387.

¹⁸² То есть Григорий, которого, вероятно, обвиняли за исповедание Божества Святого Духа.

Устраняясь от зол, от слов и собраний¹⁸³.

Итак, пути соборян и Григория разошлись. Формально он оставался председателем Собора, однако в реальности почва уходила из-под его ног. Решающий момент настал для него, когда на Собор прибыли египетские епископы во главе с Тимофеем, преемником Петра Александрийского. Обнаружив, что все важные дела обсуждены и решены в их отсутствие, что их ставленник Максим осужден, а Григорий утвержден в должности архиепископа, что Павлин, которого они поддерживали, не получил Антиохийский престол, египетские епископы выступили с протестом против Григория¹⁸⁴. Последнего обвинили в том, что он занял кафедру вопреки 15-му Правилу Никейского Собора, которое запрещает епископу одного города принимать на себя управление церковью другого города. Хотя это правило часто нарушалось на практике, формально его никто не отменял. Восточные и западные епископы, пишет Григорий, «...собрались, словно кабаны... остря друг на друга свирепые зубы и косясь огненными глазами. Движимые больше раздражением, чем разумом, они во многом, в том числе и в моем деле, усмотрели нечто весьма горькое, когда стали перебирать законы, давно уже не действующие, от которых более всего и очевидным образом свободен был я»¹⁸⁵. Злосчастные Сасимы сыграли свою роковую роль в судьбе Григория.

Поняв, что буря поднялась из-за него, Григорий, которому все это давно опротивело, выступил на середину и обратился к членам Собора со следующей речью:

«Мужи, которых собрал Бог
Для совещания о делах богоугодных,
Вопрос обо мне считайте второстепенным.
Он незначителен и не заслуживает внимания такого
Собора,
Чем бы ни кончилось мое дело, хотя осужден я напрасно;
Вы же к более важному устремите свои мысли.
Соединитесь, скрепите единство, в конце концов.
До каких пор мы будем оставаться объектом насмешек как люди
неукротимые,
Которые научились только одному – дышать ссорами?
Подайте друг другу охотно руку общения.
А я становлюсь пророком Ионой:
Отдаю себя для спасения корабля,
Хотя и не виновен в происходящей буре.
Возьмите и бросьте меня по жребию.
Гостеприимный кит примет меня в морских глубинах...
Прощайте и вспоминайте о моих трудах!»¹⁸⁶

Отставка Григория была принята Собором и утверждена императором Феодосием. На место Григория по предложению императора избрали константинопольского претора и сенатора Нектария, который состоял в чине оглашенных: в одночасье приняв крещение и три рукоположения (диаконское, иерейское и епископское), он стал архиепископом Константинополя и занял председательское место на Соборе. Григорий был обижен таким исходом дела: ему,

---

¹⁸³ PG 37, 1151-1154 = 2.387-388.

¹⁸⁴ Спасский. История, 581.

¹⁸⁵ PG 37, 1155-1156 = 2.388-389.

¹⁸⁶ PG 37, 1157-1159 = 2.389-390.

исповеднику Православия, восстановившему Никейскую веру в городе, предпочли какого-то ничем не известного неопита. «Где справедливость, когда я трудился и подвергался опасности, впервые начертал в городе благочестие, а теперь другой веселит сердце моими трудами, неожиданно вступив на чужой престол, на который меня возвел Бог и добрые служители Божии?»¹⁸⁷

Главной причиной своего поражения Григорий считал не расхождения с Собором по церковно-политическим вопросам, но догматические расхождения по вопросу о Божестве Святого Духа. Как мы помним, по этому вопросу шли споры в среде омоусиан; не был он решен и самим II Вселенским Собором. На этом Соборе слова из Никейского символа: «И в Духа Святого» – были существенно расширены: «И в Духа Святого, Господа Животворящего, от Отца исходящего, с Отцом и Сыном покланяемого и славимого, вещавшего через пророков». Однако и в этих словах нет прямого утверждения о Божестве Святого Духа¹⁸⁸. Отвергнув ересь пневматомахов и признав Духа равным Отцу и Сыну, участники Собора все же не пошли на то, чтобы внести утверждение о Божестве Святого Духа в Символ.

Итак, зависть епископов и твердое исповедание Григорием Божества Святого Духа послужили, как он считает, причиной его отставки:

Восстали беззаконно вожди народа друг против друга.
Вооружившись вместо оружия гневом и завистью,
Кипя гордыней, как свирепым огнем,
Они восстали, и разделилась вся вселенная.
А я – человек тонкий, и поскольку думал о себе немало...
Делал то, что мог...
Но как вступивший в схватку со львами или свирепеющими
кабанами,
Я и наглость не прекратил, и сам оказался растоптан...
Только что возведен я на престол, как наутро уже сведен с
престола!
Найдет ли кто хотя бы ложную причину этого?
Христос, осмелюсь сказать то, что у меня на сердце.
Завидуют они моим подвигам и камням, которые в меня метали;
А может быть, Дух всему причиной, скажу ясно –
Дух как Бог, слышите ли? Скажу снова:
«Ты мой Бог!» И в третий раз возглашу: «Он – Бог!»
Бросайте, цельтесь в меня камнями.
Стою непоколебимо, как мишень истины,
Презирая свист и слов, и стрел¹⁸⁹.

Григорий желает остаться в памяти потомства не как епископ Сасим, смещенный с Константинопольского престола по каноническим соображениям, но как исповедник Божества Духа, не понятый своими современниками и ставший жертвой зависти. Вообще Григорий ясно видит свои заслуги перед Церковью и не хочет, чтобы они были забыты. В Слове 42-м, которое стало его прощальным обращением к пастве Константинополя, он говорит о том, как за два года его епископства изменилась церковная ситуация в столице:

Эта паства была мала и несовершенна, даже, как казалось, и вовсе не
паства, а малый след или остаток паствы, без порядка, без епископа, без

¹⁸⁷ PG 37, 1027–1028 = 2.402.

¹⁸⁸ Греческое слово «Господь» не является синонимом слова «Бог», изначальный смысл этого слова – «господин».

¹⁸⁹ PG 37, 1245–1248 = 2.392–393.

определенности; она не имела ни свободного пастбища, ни огражденного двора, скиталась *в горах, вертепах и пропастях земных*¹⁹⁰, рассеянная и разбросанная здесь и там, так что каждый, кому как случалось, находил себе защитника и пастыря и заботился о своем собственном спасении... Такой некогда была эта паства, и какова она ныне – сколь благоустроена и многочисленна!¹⁹¹

Прощаясь с городом, к которому Григорий успел привыкнуть и который успел полюбить, он перечисляет храмы, где ему пришлось служить, сожалея, что успел лишь недолго послужить в кафедральном соборе Святых апостолов; он обращается к епископам, священникам, монахам, мирянам и всем членам своей паствы с прощальными приветствиями. Слова Григория помогают воссоздать атмосферу, которая царила в столичных храмах во время совершаемых им богослужений:

Прощай, Анастасия, соименная благочестию, ибо ты воскресила для нас учение, прежде презираемое!.. Прощайте, и прочие храмы, близкие по красоте к Анастасии!.. Прощайте, Апостолы, прекрасное поселение, мои учителя в подвижничестве, хотя и не часто совершал я богослужение у вас!.. Прощай, престол – эта завидная и опасная высота архиереев; прощай, собрание иереев, почтенных саном и возрастом, и все служащие Богу при священном престоле!.. Прощайте, хоры назореев¹⁹², гармоничное пение, всенощные стояния, досточестность дев, благопристойность женщин, толпы вдов и сирот, очи нищих, взирающие на Бога и на нас! Прощайте, страннолюбивые и христолюбивые дома!.. Прощайте, любители моих слов и эти стечения и потоки народа, и трости, пишушие явно и скрыто¹⁹³, и эта преграда, едва выдерживающая теснящихся слушателей! Прощайте, цари и царские дворцы, и служители царя и домочадцы, если и верные царю – не знаю этого – то в большинстве своем не верные Богу!¹⁹⁴ Рукоплещите, громко кричите, поднимите на высоту вашего ритора!¹⁹⁵ Умолк язык, который был для вас злым и многословным! Он не умолкнет совсем – ибо будет бороться рукой и чернилами – но сейчас мы умолкли. Прощай, город великий и христолюбивый!.. Прощайте, Восток и Запад!.. Прости мне, Троица, забота моя и украшение мое; да сохранишься у этого народа моего и да сохранишь народ мой – ибо он мой, хотя судьба моя и складывается иначе...¹⁹⁶

---

¹⁹⁰ Евр 11, 38.

¹⁹¹ Сл. 42, 2, 5–12; 6, 1–2; SC 384, 52–62 = 1.587–589.

¹⁹² Монахов.

¹⁹³ Проповеди Григория записывались стенографами.

¹⁹⁴ Придворные евнухи были известны своей приверженностью к арианству.

¹⁹⁵ Имеется в виду епископ Демофил или, может быть, Евномий.

¹⁹⁶ Сл. 42, 26, 1–27, 18; SC 384, 108–114 = 1.601–602.

4. Последние годы

Покинув Константинополь, Григорий вернулся на родину с твердым намерением навсегда оставить общественную активность и «сосредоточиться в Боге»: ¹⁹⁷ он желал посвятить остаток дней уединению и молитве. Однако в Назианзе он нашел церковные дела в том же состоянии, в котором оставил их шесть лет назад; епископ так и не был избран. Городской клир обратился к Григорию с той же просьбой, с которой обращались к нему после смерти Григория-старшего – принять на себя управление епархией. В течение приблизительно одного года Григорий, несмотря на частые болезни, управлял епархией своего отца, но «как посторонний», то есть по-прежнему как епископ другого города ¹⁹⁸.

В 382 году в Константинополе состоялся еще один церковный Собор, на который звали Григория, но он решительно отказался ехать: «Я, по правде сказать, так настроен, чтобы избежать всякого собрания епископов, потому что не видел я еще ни одного Собора, который бы имел благополучный конец и скорее избавлял от зол, чем увеличивал их» ¹⁹⁹. Участие в Соборе 381 года, который закончился для Григория столь плачевно, отбило у него всякую охоту к подобным мероприятиям: «Не буду заседать на собраниях гусей или журавлей, дерущихся между собой без причины, где раздор, где битва и где прежде всего все постыдные тайные дела враждующих собраны в одно место» ²⁰⁰.

Не поехав на Собор, Григорий, однако, пытался на расстоянии повлиять на его благополучный исход, посылая письма своим влиятельным друзьям. «Философствую в безмолвии, – писал он Софронию-ипарху. – ...А вас прошу приложить все усилия, чтобы хотя бы теперь, если уж не прежде, пришли в согласие и единство части вселенной, жалким образом разделившиеся, и особенно если увидите, что раздор у них не по вероучительным причинам, а из-за частных мелочных притязаний, как я заметил» ²⁰¹. В письме к Сатурнину Григорий выражал опасение, что новый Собор закончится так же постыдно, как и прежний, и что на Соборе могут вернуться к рассмотрению его дела ²⁰².

К концу 383 года здоровье Григория было окончательно подорвано, и он попросил отставку у епископа Феодора Тианского. В письме к нему Григорий жаловался на плохое здоровье и постоянные нападки аполлинариан, прося назначить для Назианзской церкви нового епископа:

...Несправедливо страдает Божия паства, лишенная пастыря и епископа из-за моей мертвости. Ибо держит меня болезнь: она внезапно удалила меня от (управления) Церковью, и теперь ни к чему я не годен, всегда нахожусь при последнем издыхании, еще более ослабеваю от дел... Я уже не говорю о прочем – о том, что восставшие ныне аполлинариане сделали Церкви и чем угрожают... Остановить это не под силу моему возрасту и моей немощи... ²⁰³

Феодор удовлетворил просьбу Григория: на его место поставили хорепископа Елладия, одного из его ближайших помощников. Григорий удалился в свое фамильное имение в Арианзе, где и провел последние годы жизни. То, к чему он всегда стремился, – уединение и досуг – было наконец дано ему. Он вел аскетический образ жизни, хотя и сохранял за собой все

¹⁹⁷ PG 37, 1164 = 2.391.

¹⁹⁸ Письмо 182 / Ed. Gallay, 131 = 2.503.

¹⁹⁹ Письмо 139 / Ed. Gallay, 95 = 2.478.

²⁰⁰ PG 37, 1268 = 2.396.

²⁰¹ Письмо 135 / Ed. Gallay, 98–99 = 2.471.

²⁰² Письмо 132 / Ed. Gallay, 97 = 2.506.

²⁰³ Письмо 152 / Ed. Gallay, 111–112 = 2.489.

свое владение. На время Великого поста он давал обет молчания, при этом продолжая писать письма и стихи и даже принимать гостей, но молча²⁰⁴. Свой досуг Григорий посвящал по преимуществу литературным занятиям. Он был уверен в ценности собственного литературного творчества и предвидел, что его сочинения переживут его: «Мой дар – слово; оно, всегда переходя далее, достигнет, может быть, и будущих времен»²⁰⁵. В этом предвидении Григорий не ошибся.

Находясь в Арианзе, Григорий вел обширную переписку с людьми самых разных категорий – с епископами, священниками, монахами, риторам, софистами, военачальниками, государственными чиновниками и представителями местной знати. Содержание этих писем очень разнообразно: от жалоб на здоровье до ходатайств о том или ином из близких Григорию людей; от советов относительно духовной жизни до рекомендаций, касающихся литературного стиля. Григорий считал письма произведениями искусства, тщательно отшлифовывал каждое письмо и был высокого мнения о своем собственном эпистолярном стиле. В одном из писем к Никовулу, своему внучатому племяннику, воспитанием которого он занимался на старости лет, Григорий говорит о нормах эпистолярного жанра:

Мера письма – необходимость: не надо ни удлинять его, если предметов немного, ни укорачивать, если предметов много... Вот что знаю о длине письма. Что же касается ясности, то известно, что надо по возможности избегать книжного слога и приближаться к разговорному... Третья принадлежность писем – приятность. Ее же соблюдаем, если будем писать не совсем сухо, не без изящества, не без прикрас, и, как говорится, не без грима и не обстриженно, то есть не без мыслей, пословиц и изречений, а также шуток и загадок, ибо всем этим подслащается письмо. Однако не будем пользоваться этим сверх меры: когда ничего этого нет, письмо грубо, а когда этого слишком много, письмо напыщенно. Все это должно использоваться в такой же мере, в какой – красные нити в тканях... Вот что касательно писем посылаю тебе в письме²⁰⁶.

Никовул был, надо полагать, благодарным учеником: он не только усваивал уроки Григория, но и, по его заданию, занимался подготовкой коллекции его писем к публикации²⁰⁷.

К позднему периоду жизни Григория относятся его автобиографические поэмы, стихотворения на богословские и нравственные темы, а также многочисленные стихотворения дидактического характера. В числе последних – поэтические переложения библейских и евангельских эпизодов, притч и изречений Иисуса Христа: используя классические формы, Григорий наполнял их христианским содержанием. Арианзский отшельник задался целью создать своего рода компендиум христианской учебной литературы для юношества, которая могла бы заменить собою в качестве образцов для изучения и подражания произведения классиков языческой античности. Об этой цели своего творчества говорит сам Григорий, когда перечисляет причины, побуждающие его писать стихи

Во-первых, я хотел, трудясь для других,
Тем самым связать собственную неумеренность²⁰⁸,
Чтобы, хотя и писать, но немного,

²⁰⁴ Ср. Письма 106–120 / Ed. Gallay, 84–90 = 2.474–477. Ср. PG 37, 1307 = 2.92.

²⁰⁵ Сл. 7, 16; PG 35, 776 = 1.169.

²⁰⁶ Письмо 51 / Ed. Gallay, 47–48 = 2.426–427.

²⁰⁷ Ср. Письмо 52 / Ed. Gallay, 48–49 = 2.487.

²⁰⁸ Греч. ἀμετρία может означать и «отсутствие поэтического метра».

Заботясь о мере²⁰⁹. Во-вторых, юношам
И, конечно, всем, кто любит словесность,
Хотел я, словно некое приятное лекарство,
Дать нечто привлекательное для убеждения к полезному,
Чтобы искусством подсластить горечь заповедей...
В-третьих... не хочу, чтобы в словесности
Преимущество перед нами имели чужие...
В-четвертых, изнуряемый болезнью,
Я обретал радость в стихах, как старый лебедь,
Который говорит сам с собою и хлопает крыльями,
Воспевая не песнь плача, но песнь исхода²¹⁰.

Автобиографические стихи позднего периода приоткрывают перед нами внутренний мир Григория в годы его старости. Он много думает о смысле жизни и о смысле страданий. Как и прежде, он любит предаваться размышлениям на лоне природы:

Вчера, сокрушенный своими скорбями, сидел я вдали от людей
В тенистой роще и скорбел душой.
Ибо люблю такое лекарство в страданиях,
Охотно беседуя сам со своей душой.
Ветерки шептали вместе с поющими птицами,
Навевая сон с древесных ветвей,
Особенно тому, кто изнемог душой. А с деревьев
Звонкие кузнечики, любимцы солнца,
Оглашали своим треском весь лес.
Рядом была прохладная вода, которая омывала мои ноги...
Я же, увлекаемый парением ума,
Наблюдал в себе такую борьбу мыслей.
Кем я был? Кто я есмь? Кем я буду? Не знаю этого ни я,
Ни тот, кто превзошел меня мудростью...
Я есмь. Но скажи, что это значит? Что-то от меня уже в прошлом,
Чем-то я являюсь сейчас, а чем-то буду, если только буду...
Говорят, что есть страна без зверей, как некогда Крит,
И есть страна, где не знают холодных снегов;
Но из смертных никто никогда еще не мог похвалиться тем,
Что, не испытав тяжких бедствий жизни, перешел отсюда.
Немощь, нищета, рождение, смерть, вражда, злые люди –
Эти звери на суше и на море – все скорби: такова жизнь!
И как видел я много несчастий, ничем не подслащенных,
Так не видел ни одного блага, которое было бы полностью
Лишено скорби – с тех пор, как к горькому наказанию
Приговорило меня пагубное вкушение и зависть противника²¹¹.

В поздних стихах Григория преобладают пессимистические настроения. Он часто вспоминает прежние обиды, жалуется на одиночество и болезни, говорит о старости и богоостав-

---

²⁰⁹ Или «метре».

²¹⁰ PG 37, 1331–1333 = 2.408–409.

²¹¹ PG 37, 755–760 = 2.41–43. В последних двух строках речь идет о грехопадении Адама.

ленности. Нередко слышна в его словах неудовлетворенность сделанным, опасение за то, что останется незавершенным труд его жизни, что некому будет отредактировать и подготовить к изданию его сочинения:

...Я плачу о том, что отвернулось от меня животворное око
Великого Христа, Который когда-то внимательно следил за мною,
Готовил меня к славе еще во чреве чистой матери моей,
Избавлял от холодного моря и от страстей.
Плачу о том, что потерял я бразды правления богомудрым
народом:
Хотя и не сам бросил их, однако не держу их в руках.
Ибо этот народ прежде радовался моим речам,
Когда благодаря моему языку озаряло его тройственное сияние.
А теперь... прильнув слухом к языку моему,
Народ жаждет источника, который раньше тек для многих,
Но он не дает ему и малой капли.
Другие источают сладкий поток²¹², но слушатели
Скорбят, ибо лишены слова своего отца.
Где мои всеобщие бдения, во время которых незыблемо
Утверждал я свои ноги, как одушевленный камень,
Или один беседуя со Христом, или вместе с народом
Наслаждаясь священными песнями, исполняемыми антифонно?
Где сладкая боль в утомленных коленях, когда
Проливал я горячие слезы и собирал помраченный ум?
Где руки, кормившие бедных, служившие больным?
До чего доходит истощение обессиленных членов?
Больше не воздеваю рук перед чистыми жертвами,
Чтобы приобщаться страданиям великого Христа.
Больше не устраиваю празднеств в честь победоносных
мучеников,
Не чествую похвальными словами драгоценную их кровь.
На книгах моих плесень, речи недокончены;
Какой человек будет столь дружелюбен, чтобы довести их до
конца?
Все умерло у еще живого. Жизнь моя едва теплится:
Она слабее, чем у корабля, разваливающегося по швам²¹³.

Мысль о скоротечности и суетности человеческой жизни – лейтмотив поздней поэзии Григория. Жизнь человека сравнивается с театральной пьесой²¹⁴, с непрерывно вращающимся колесом²¹⁵, с волейбольным мячом²¹⁶, с игрой в шашки²¹⁷. Все меньше остается в распоряжении Григория благ и радостей земной жизни; все больше ум его занят мыслью о предстоящей кончине. Григорий говорит о себе как об одиноком страннике, лишившемся родителей и родины

---

²¹² Намек на имя Нектария (букв. «сладкий»), преемника Григория на Константинопольской кафедре.

²¹³ PG 37, 1387–1389 = 2.125.

²¹⁴ PG 37, 776 = 2.48.

²¹⁵ PG 37, 787–788 = 2.123.

²¹⁶ PG 37, 771 = 2.46.

²¹⁷ PG 37, 1305 = 2.78.

и ожидающем скорой смерти²¹⁸. Он пресыщен жизнью и думает о мире ином²¹⁹. Чувствуя приближение последнего часа, он заповедует своим потомкам не забывать о конце земного странствия и о Страшном Суде:

Последний подвиг жизни близок; несчастное плавание кончено;
Уже и наказание вижу за ненавистные злые дела,
Мрачный тартар, пламя огня, глубокую ночь,
Позор того, что сейчас сокрыто, а тогда будет изобличено...
Много страдал я, и мысль объемлется страхом: не начали ли
Преследовать меня страшные весы правосудия Твоего, о Царь?
Пусть сам я понесу свой жребий, перейдя отсюда...
Но вам, будущим поколениям, заповедую: нет пользы
В настоящей жизни, потому что у жизни есть конец!²²⁰

Григорий умер около 390 года в возрасте около 60 лет. Перед смертью он позаботился о том, чтобы его имущество не пропало, и составил завещание. Несколько своих рабов он освободил еще при жизни; других – посмертно, впрочем, надо полагать, далеко не всех²²¹. Он позаботился также и о том, чтобы его гробница не осталась без соответствующей надписи, и составил несколько эпитафий самому себе. Вот одна из них:

С младенчества призывал меня Бог ночными видениями.
Я достиг пределов мудрости. Плоть и сердце

---

²¹⁸ PG 37, 1347 = 2.79.

²¹⁹ PG 37, 775 = 2.48.

²²⁰ PG 37, 1420–1421 = 2.124.

²²¹ См.: PG 36, 389–396 (отсутствует в рус. пер.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.